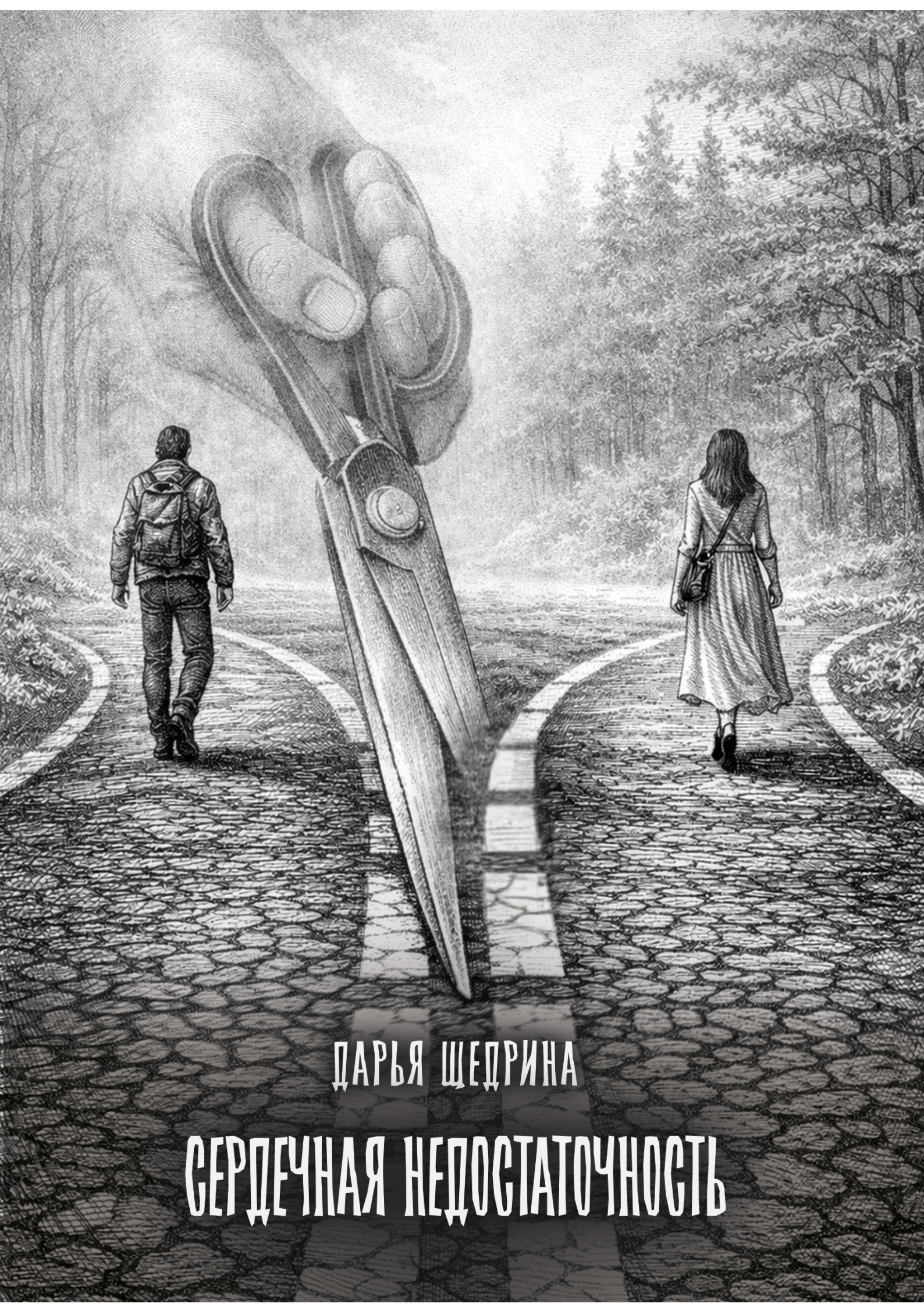

ДАРЬЯ ШЕДРИНА
СЕРДЕЧНАЯ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ

Дарья Щедрина

Сердечная недостаточность

Издательство «Четыре»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Щедрина Д. А.

Сердечная недостаточность / Д. А. Щедрина — Издательство
«Четыре», 2026

ISBN 978-5-908132-24-4

В уютном, тихом, расположенном в живописном месте санатории один за другим умирают несколько пациентов. На первый взгляд их смерть кажется естественной, но... Главный врач приглашает в санаторий друга детства, полковника полиции в отставке, чтобы тот помог разобраться. И полковник погружается в водоворот неожиданных и опасных событий... Сергей влюблён в жену своего университетского товарища. Вмешиваться в чужую семью нехорошо, но он точно знает: Аркадий, самовлюблённый эгоист, выпьет все жизненные соки из Антонины и бросит, искалечив ей жизнь. Как же быть?.. Спокойно смотреть, как страдает любимая женщина?.. И тогда Сергей предлагает приятелю необычную сделку, которая перевернёт их судьбы вверх дном. В книге присутствуют сцены распития алкоголя.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-908132-24-4

© Щедрина Д. А., 2026
© Издательство «Четыре», 2026

Содержание

Сердечная недостаточность	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	31
Глава 7	34
Глава 8	40
Глава 9	45
Глава 10	49
Глава 11	54
Глава 12	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Дарья Александровна Щедрина

Сердечная недостаточность

© Д. Щедрина, текст, 2026

© Издательство «Четыре», 2026

Сердечная недостаточность

Повесть

– Спи, глазок, усни, другой, – бормочет убийца, растирая белую таблетку между двумя столовыми ложками.

Таблетка, поскрипывая, быстро превращается в порошок.

Убийца с удивлением думает: «Чего это вдруг мне вспомнилась сказка про Крошечку-Хаврошечку?.. Может, потому, что все сказки рассказывают про борьбу добра со злом? И добро всегда побеждает! Значит, я – воин света, борец со Злом. Значит, всё правильно, и это правильный путь. Конечно, никто никогда не оценит моих усилий, не скажет спасибо. Но это же не важно! Важно другое: одной мразью на свете станет меньше, а хорошие люди вздохнут с облегчением».

Ловкие руки убийцы пересыпают получившийся порошок на лист бумаги, а потом в пустую половину белой капсулы, в которой ещё недавно было совсем другое лекарство. Соединяют обе половинки капсулы и осторожно подкладывают в маленький пластиковый стаканчик с буквой В на боку.

Убийца выходит в коридор, направляется к посту медсестры. Стаканчик ставит на большой поднос, с которого дежурная сестричка раздаёт лекарства больным.

Старая жаба примет капсулу перед сном и... уснёт навеки.

– Спи, глазок, усни, другой...

Напевая себе под нос, убийца неспешным шагом проходит по длинному больничному коридору, сунув руки в карманы белого медицинского халата. Полуденное солнце светит в окно, отбрасывая от фигуры длинную зловещую тень.

Глава 1

Жара

Анора вышла из воды и, на ходу отжимая мокрые волосы, направилась к кустам, растущим вдоль берега.

Слабый ветерок обдувал влажное тело и делал его лёгким, почти невесомым. Казалось, если немного разбежаться и подпрыгнуть, непременно оторвёшься от земли и полетишь вместе с птицами и пухлыми облаками, торжественно скользящими над разморенной от жары землёй.

Девушка подняла с прибрежного песка аккуратно сложенное полотенце и стала вытираться. После купания настроение поднялось и хотелось улыбаться и тихонько петь. Ради этого удовольствия она пожертвовала обеденным перерывом. Впрочем, аппетита в такую жару всё равно не было.

Спрятавшись за кустами, Анора сняла купальник и быстро переделалась в белый форменный костюм, сложила мокрые вещи в полотенце и отправилась на рабочее место, представляя, как разозлится старшая медсестра Раиса, увидев её влажные волосы и улыбающуюся физиономию. Ну и пусть! В уставе санатория не написано, что нельзя купаться в озере в плюс тридцать градусов во время рабочей смены. Всё равно сейчас все – и пациенты, и персонал – на обеде.

Не успела девушка выйти на песчаную дорожку, ведущую к кардиологическому корпусу, как услышала за спиной возглас.

– Ф-фух! Ты купалась, Анора?

Обернулась. К ней приближался доктор Сергеев – симпатичный молодой кардиолог. Ему было лет тридцать и во внешности проглядывало что-то от испанского гранда: благородный профиль, яркие чёрные глаза, смуглая кожа. Пожалуй, единственным недостатком доктора был невысокий рост. Даже Анора со своими 167 сантиметрами смотрела на него чуть-чуть свысока.

– Да, Пётр Михайлович, окунулась, – отозвалась она. – И вам советую!

– Боюсь, начальство меня не поймёт.

Поравнявшись с медсестрой, доктор взял Анору под руку, и они пошли по дорожке.

– А мне плевать, что подумает начальство! – фыркнула девушка. – Сами сидят в своём административном корпусе под кондиционерами и хлопот не знают. А мы должны вариться в старых корпусах, давно требующих капитального ремонта, как в консервных банках. Все окна в палатах открыты, а всё равно дышать нечем!

– Да ты права, права, я и не спорю. Будь я главным врачом санатория, я бы просто обязал всех молодых, красивых медсестричек купаться в жаркое лето для услаждения взоров, так сказать. Вид же моей неспортивной тушки, выходящей из воды на берег, может только рассмешить честных людей. А я вроде врач, а не клоун.

– Ну что вы, Пётр Михайлович, так себя принижаете! – засмеялась Анора. – Вы у нас очень даже ничего, только скромный слишком. Смелости побольше, нос повыше, и вперёд!

Сергеев, выслушав совет, состроил забавную гримасу и поднял подбородок.

Оба рассмеялись.

Вокруг них шумели сосны, устремив ввысь сверкающие на солнце начищенной медью стволы. Запах воды смешивался с хвойными ароматами и благоуханием цветов на клумбах. Лёгкая ажурная тень деревьев укрывала от палящего солнца. Под ногами поскрипывал песок.

Подшли к центральной аллее парка. Многие пациенты уже вернулись из столовой и прогуливались по дорожкам, стараясь найти укромные тенистые уголки. Белые халаты медиков мелькали то тут, то там.

– Что-то совсем не хочется возвращаться на работу, – вздохнула девушка.

– Полностью с тобой согласен, – кивнул молодой доктор. – Настроение сегодня нерабочее.

Из дверей кардиологического корпуса вышли санитары, толкая перед собой каталку, на которой лежало тело, с головой укрытое простынёй.

Сергеев и Анора остановились. С их лиц мгновенно исчезло выражение беззаботности и радости.

– Это же Виноградова... – тихо произнёс Пётр Михайлович.

– Вот идиоты! – возмутилась Анора. – Неужели вывозить труп надо обязательно средь бела дня, на глазах у всех?!

– А ты предлагаешь хранить тело до вечера в палате, при тридцатиградусной жаре?

– Нет конечно. Но можно же было как-то поделикатнее, что ли... Каково это видеть пациентам?

– Какое печальное зрелище! – раздался рядом женский голос, и собеседники обернулись.

К ним подходила немолодая полная женщина в старомодном белом халате. На шее у неё висел стетоскоп, посверкивая на солнце стальными бликами.

– Ольга Васильевна! Виноградова же была вашей пациенткой? – спросил Сергеев.

– Увы, да... – вздохнула женщина.

Её обычно бледное лицо покраснело от жары, тусклые русые волосы выбились из строгого пучка на затылке и тонкими прядями свисали вдоль круглого, совершенно невыразительного лица.

– А что же случилось? – поинтересовался Пётр Михайлович. – Она ведь вроде уже шла на поправку?..

– Да старая она была! – вмешалась в разговор врачей Анора. – Вот и умерла. В старости такое с каждым может случиться.

– Думаю, острая сердечная недостаточность, Пётр Михайлович. И не исключено, что в этом сыграла негативную роль жара. Но патологоанатом скоро ответит на ваш вопрос более точно. Пойдёмте, коллеги!

Ольга Васильевна зашагала вперёд, навстречу санитарам с каталкой, а кардиолог и медсестра медлили, будто преодолевая внутреннее сопротивление.

– Хотя всё равно странно, – пробормотала девушка так, чтобы её услышал только Сергеев. – Что-то часто тут стали люди умирать. У нас же санаторий, а не больница. Здесь люди обычно оздоравливаются, а не умирают.

– Жизнь – непредсказуемая штука, Анора, – пожал плечами доктор.

Каталка поравнялась с ними, и девушка вздрогнула, когда из-под простыни неожиданно выпала и на ходу закачалась бледная кисть руки с синюшными ногтями. Санитары этого не заметили и продолжали двигаться к припаркованному у ворот санитарному автомобилю, чтобы отправить труп в морг ближайшей больницы. Собственного морга у санатория не имелось: он просто был не нужен.

До недавнего времени...

* * *

Главный врач санатория Дмитрий Андреевич Липцовский стоял у окна кабинета и задумчиво смотрел на парк. В своё время именно этот чудесный парк стал причиной его согласия на высокую и ответственную должность.

Корпуса санатория, где восстанавливались после тяжёлых травм и сердечных болезней пациенты, прятались в почти сказочном сосновом лесу. Даже аккуратные парковые дорожки и ухоженные клумбы не избавляли от ощущения чего-то таинственного и первобытного. И тишина вокруг стояла завораживающая – живая, наполненная шелестом сосновых крон, поскрипыванием стволов, пением птиц.

Дмитрий Андреевич очень любил – особенно зимой! – пройтись до озера, вдыхая полной грудью чистейший, вкусный воздух. Ему казалось, что с каждым вдохом-выдохом из головы улетучиваются все негативные мысли и чувства, уходят, растворяясь в звенящей лесной тишине, проблемы и неприятности.

Ко всем лечебным факторам, расположенным в физиотерапевтическом корпусе, а также в спортзале и бассейне, добавлялся самый значимый элемент: первозданная природа. Даже обычные прогулки по этому парку, неспешные и расслабленные, способствовали нормализации сна и восстановлению здоровья.

– Я настаиваю, чтобы вы вызвали полицию! – послышался за спиной мужской голос, и Дмитрий Андреевич обернулся.

В кресле для посетителей в напряжённой позе сидел лысоватый коренастый мужчина лет пятидесяти и нервно теребил кончик галстука.

– Зачем же полицию? – растерялся главврач.

– Как «зачем»?! Мама не могла умереть просто так! Ей помогли, я уверен.

– Но позвольте, Вячеслав Альбертович... Конечно, я понимаю ваше состояние: потерять родную мать так неожиданно, когда казалось, что всё самое плохое уже позади... Но всё-таки вашей матушке исполнилось уже семьдесят пять!

Дмитрий Андреевич нехотя отошёл от окна и расположился за своим столом.

Ему был неприятен этот разговор, но должность обязывала.

– Да, семьдесят пять! – вызывающе повторил Виноградов. – Но хирург, делавший операцию на сердце, сказал, что всё прошло просто блестяще и эта операция даст маме минимум десять лет нормальной жизни. Понимаете – минимум! А получается, что она не прожила и трёх месяцев!

– Десять лет?.. – переспросил главврач.

Липцовский прикинул, что в этом случае бедной Виноградовой было бы уже восемьдесят пять. И без всяких операций на сердце не каждый доживает до такого солидного возраста... Но спорить с сыном умершей он не мог, да и не хотел. Зачем ещё больше расстраивать человека?.. Наоборот, он кивнул, словно соглашаясь с собеседником, и сказал мягким, успокаивающим голосом:

– Уважаемый Вячеслав Альбертович, я вас очень хорошо понимаю и предлагаю дождаться заключения патологоанатома. Там видно будет. А пока повременим с обращением в полицию.

Главврач поднялся из кресла, давая понять, что разговор закончен. Виноградов поправил галстук, встал и упрямо выпятил подбородок:

– Тогда я сам вызову полицию!

– И что мы скажем полицейским? – Дмитрий Андреевич специально сказал «мы», не пытаясь снять с себя ответственность за произошедшее. – Кому и зачем в нашем санатории понадобилось лишать жизни милейшую пожилую женщину?

Виноградов растерялся, беспомощно захлопав ресницами. Похоже, и у него не было никаких предположений на этот счёт. Чем и воспользовался хозяин кабинета.

– Вот видите!.. Но я вас уверяю... – Липцовский вышел из-за стола и, придерживая посетителя под локоть, стал медленно продвигаться к выходу. – Если на вскрытии возникнут хоть малейшие сомнения в естественной смерти, я вам лично сообщу, и мы вместе обратимся в полицию.

Мужчина поднял на главного врача совершенно несчастные глаза и покорно кивнул.

– Да, наверное, вы правы. Просто для меня это такой удар! Я до сих пор не могу прийти в себя.

– Ещё бы! Понимаю.

– Но вы мне позвоните, когда получите заключение?

– Обязательно.

Виноградов скрылся за дверью, а Дмитрий Андреевич вернулся за стол, открыл нижний ящик, порылся там, вытащил потрёпанную книжицу в кожаной обложке. Полистав её и найдя нужную запись, достал мобильник и набрал номер.

– Юра? – спросил он, вслушиваясь в знакомый голос. – Здорово, дружище! Сто лет тебя не слышал. Вот, решил сам позвонить. А то ты у нас, господин полковник, слишком занятой, чтобы вспомнить хоть иногда о школьном товарище.

Глава 2

Однокашники

Со своим одноклассником и старым приятелем Юрой Кравченко они договорились встретиться в кафе на Среднем проспекте Васильевского острова, недалеко от дома, в котором выросли, и от школы, которую окончили почти сорок лет назад.

Отставной полковник полиции Юрий Никитич Кравченко сидел за столиком у окна и смотрел, как мимо здания кафе течёт неиссякаемая река пешеходов, спешащих к метро.

Димка Липцовский опаздывал.

Подошёл официант и поинтересовался:

– Вы уже готовы сделать заказ?

Кравченко вскинул усталые глаза на молодого человека в длинном малиновом переднике и дружелюбно улыбнулся:

– Я жду друга. А пока будьте добры, принесите мне минеральной воды без газа.

Официант кивнул и удалился.

Невольно наплывали воспоминания о детстве, школьных годах. Сколько же они с Димкой времени провели в этих старых дворах-колодцах! Сколько подвалов и чердаков облазили... Сколько раз им влетало от родителей за то, что поздно возвращались с улицы домой и не успевали сделать уроки...

Детство кончилось, и Дима поступил в медицинский институт, а он, Юра, пошёл на юридический факультет универа. Видеться стали реже. А потом, когда семья Липцовских переехала в другой район, встречи вообще свелись к минимуму, только изредка перезванивались, интересуясь новостями.

Поэтому звонок давнего друга вызвал у Юры неподдельное удивление: с чего бы это Димка вспомнил о нём?.. Неужели случилось что?..

Двери кафе распахнулись, и на пороге появился высокий, не полный, а скорее крупный мужчина под шестьдесят. Встретившись взглядом с Кравченко, он весь расцвёл, заулыбался, будто его ожидал не такой же немолодой солидный человек с поседевшими волосами, а прелестная молодая женщина.

– Прости, Юрка, за опоздание! – воскликнул Дмитрий Андреевич, крепко обнимая поднявшегося ему навстречу полковника. – Еле нашёл место припарковаться. Как здесь, на Васье, вообще автомобилисты живут?.. Всё забито машинами под завязку!

– Привыкли уже: у каждого местного автомобилиста есть свои секретные места для парковки, – улыбнулся Юрий Никитич, снова усаживаясь за стол. – Закажем чего-нибудь поесть? А то я сегодня голодный.

– Я тоже. Давай поужинаем как следует. Есть тут что-нибудь стоящее в меню?

Старые товарищи долго выбирали блюда, делали заказ. Потом обсуждали последние изменения в своей жизни.

И лишь в конце ужина Липцовский решился заговорить о главном.

– Юр, мне вообще-то нужна твоя помощь как профессионального сыщика, – отставляя пустую тарелку, сказал Дмитрий Андреевич.

– Дим, я же бывший сыщик! Уже год сижу на пенсии, от безделья маюсь.

Юрий Никитич тяжело вздохнул:

– Но мозги-то свои сыщические при тебе остались?..

– Да вроде остались. А что случилось?

Официант принес десерт и кофе, убрал блюда и тарелки.

– В нашем санатории умерла пациентка.

– Криминальный случай? – Тёмные, не тронутые сединой и так контрастировавшие с почти белой шевелюрой брови Кравченко взметнулись на лоб.

– Трудно сказать, – Дмитрий Андреевич пожал плечами. – Женщине исполнилось семьдесят пять, почтенный возраст. Недавно перенесла сложную операцию на сердце, но шла на поправку. И вдруг неожиданно скончалась в палате. Утром её обнаружила дежурная медсестра.

– Ну, насколько я знаю, в этом возрасте может случиться что угодно. Старость, она такая непредсказуемая штука...

– Конечно, – кивнул Дмитрий Андреевич. – Мы бы тоже так отреагировали, если бы сын пациентки не поднял шум. Он требовал, чтобы я вызвал полицию, потому что был уверен, что мать умерла не своей смертью.

– Но ты не стал вызывать полицию, – скорее утвердительно, чем вопросительно заметил Кравченко и отправил в рот кусочек вкуснейшего десерта.

– Не стал. Вот только разбор с полицией мне сейчас не хватает! Ты бы на моём месте тоже не стал. Да и никаких веских оснований для обращения в полицию нет.

Юрий Никитич обратил внимание, как покраснели щёки его собеседника, как заблестели глаза. Разволновался главный врач, встревожился.

– Но есть два момента, которые не дают мне спокойно спать, – продолжил Дмитрий Андреевич, перейдя на громкий шёпот и склонившись через стол. – Во-первых, это уже не единственный случай неожиданной смерти пациента. Обычно у нас люди умирают редко, даже крайне редко – один раз в год, а то и реже. А тут как прорвало! За последние три месяца третья смерть. И во-вторых... – Липцовский сделал паузу и поднял на друга виноватые глаза. – Я специально попросил патологоанатома взять кровь на всякую химию. Так вот... у этой женщины в крови была большая доза препарата, понижающего давление. Она принимала этот препарат, но в адекватной дозе. А тут доза огромная. И непонятно: то ли она сама случайно (а может, и не случайно!) приняла лишнюю порцию, то ли кто-то заставил её принять... Помогите во всём этом разобраться, Юр.

Полковник задумался, глядя в окно. Он любил свою работу и отдавал ей всего себя, что не замедлило сказаться на семейной жизни. Светлана, его жена, не выдержала и подала на развод, искренне считая, что лучше быть одной, чем с мужем-полицейским. Спокойнее, по крайней мере. Их сына Артёма, собиравшегося пойти по стопам отца, она уговорила поступить в инженерный вуз. Теперь Артём, уже взрослый, со своей семьёй жил и работал в Индии, где вместе с другими специалистами из России строил атомную электростанцию. Полковник не видел сына уже три года.

Выйдя на пенсию, Кравченко оказался точно на другой планете: всё чужое, незнакомое, не знаешь, чем заняться, как распланировать день, куда пойти. Одиночество и чувство собственной ненужности навалились и придавили бетонной стеной. Откуда ни возьмись повывлези всякие болячки, на которые во время службы он и внимания не обращал. А тут выяснилось, что надо регулярно пить таблетки. Но и лекарства не помогали от плохого настроения.

Просьба Димки заставила полковника встрепенуться. Внутри сразу пробудился дремавший целый год инстинкт сыщика. Он, словно охотничий пёс, почуял запах дичи и насторожился.

Но пришедшая вместе с пенсией неуверенность в себе заставляла сомневаться:

– Дим, у меня теперь нет никаких полномочий, даже удостоверения нет. Да и убийствами я никогда не занимался, только кражи да грабежи. Что я смогу сделать?

– Ты сможешь разобраться в ситуации и сказать, стоит ли обращаться в полицию, – уверил его старый друг. – Совсем не хочется поднимать панику без особых оснований. Да и репутация санатория для меня очень важна.

Кравченко рассеянно крутил в руках кофейную чашку, совсем позабыв про свой любимый десерт. Дмитрий Андреевич решил помочь ему принять решение:

– Юр, давай я тебя оформлю в санаторий в качестве пациента. Заодно пройдёшь обследование, здоровье поправишь. Погрузишься, так сказать, в обстановку. Посмотришь, послушаешь, пообщаешься с людьми. Я тебе выделю отдельную комфортабельную палату!

Последний аргумент заставил Юрия улыбнуться:

– Просто подкуп какой-то! Будь я действительно должностным лицом, я бы начал подозревать тебя бог знает в чём.

– Ну, друг мой, в некоторых случаях приходится идти на многое.

– Но не на нарушение закона!

– Конечно! Закон – дело святое. Так ты согласен?..

Дмитрий Андреевич внимательно посмотрел в серые глаза друга и заметил вспыхнувший там огонёк.

– Ну же, решайся, Юрка! Мне очень нужна твоя помощь!

– Ладно, – кивнул Кравченко. – Значит, отдельная палата, чтобы думать никто не мешал. А ещё мне понадобится возможность рисовать.

– Рисовать? – удивился Липцовский.

– Да. Вспомнил тут от нечего делать увлечение детства. Помнишь, я даже в художественную школу ходил. Купил себе бумагу, карандаши, акварель и... так затянуло! Теперь не могу оторваться. Особенно мне пейзажи писать нравится.

– Ну, дорогой мой, пейзажей у нас сколько душе угодно! Только соглашайся.

– Согласен. И когда мне приезжать в твой санаторий?

– Дай мне пару дней на оформление всех документов, чтобы всё официально было, и жду тебя.

– Договорились!

Выходил из кафе Юрий Никитич в приподнятом настроении. Печалило только одно: на что убить ещё два пустых пенсионных дня?

Вернувшись домой, он достал лист бумаги, взял карандаш и стал рисовать. Это была старая привычка, оставшаяся ещё с работы.

Из-под карандаша появлялся несколько карикатурный, гротескный образ однокашника, в котором невероятным образом сочетались взрослая солидность, апломб административного работника и немного детская робость, встревоженность из-за непонятной, странной ситуации.

Закончив рисунок, Кравченко поставил рядом с Липцовским большой вопросительный знак и несколько раз жирно обвёл его.

* * *

– Оля! Коняшкина!

Ольга Васильевна остановилась и обернулась. На неё смотрела, подняв брови, элегантно одетая женщина лет сорока.

– Юля?..

– Оленька! – Женщина бросилась к ней, распахнув объятия. – Как же я рада тебя видеть! Расцеловав опешившую Ольгу Васильевну, женщина улыбнулась.

– Оленька, дорогая моя, а мы ведь с тобой последний раз виделись лет пятнадцать назад! Смотри-ка, как быстро время летит, даже не заметили...

– Да, время летит быстро, – согласилась Коняшкина, с интересом рассматривая одну из группиниц, рядом с которой проучилась все шесть лет института.

Юля Сидельникова выглядела прекрасно, чего никак нельзя было сказать о самой Ольге. Смутившись в первые секунды, она заглянула старой подруге в глаза и мгновенно оттаяла – столько тепла и искренней радости там было.

– Так ты в этом санатории работаешь? – спросила Сидельникова.

– Да. Врачом в кардиологическом корпусе. А ты какими судьбами тут?

– А я иду навестить мужа. Он после автоаварии проходит курс реабилитации. Несколько переломов, травма позвоночника.

– Ах, беда какая! – закачала головой Ольга Васильевна.

– Но ему уже гораздо лучше. На ноги поставили. Думаю, после курса лечения вообще всё в норму придёт.

– Обязательно. Даже не сомневайся! У нас отличный санаторий, лечат очень эффективно, по самым современным методикам.

Юлия взглянула на часы и заторопилась:

– Оленька, мне сейчас некогда, надо успеть увидеть Сашу между процедурами. Давай встретимся с тобой через час или полтора. Сможешь?

– Да, я как раз закончу с назначениями, оформлю истории болезни. А где встретимся?

Обе обернулись, ища глазами подходящее место в парке, и наткнулись на скамейку, спрятавшуюся в тени кустов сирени.

– А давай вот на этой лавочке и встретимся! – предложила Юлия и, махнув рукой, побежала к травматологическому корпусу.

Ольга Васильевна долго смотрела вслед стройной, подтянутой фигурке в ярком платье. «А Юлька всё такая же лёгкая, воздушная и открытая...»

Сразу накатили воспоминания.

Пока шла по парку к своему корпусу, перед глазами мелькали лица одноклассников. Окончили они институт двадцать лет назад. Хорошее было время – студенчество. Несмотря на бесконечную зубрёжку (анатомия, латынь!), в душе осталось ощущение какого-то бесшабашного веселья. Впрочем, не удивительно: впереди была целая жизнь.

Сколько же теперь осталось от этого целого?

Ольга Васильевна только закончила оформление выписки пациента, как в кармане завибрировал телефон. Она вытащила мобильник, взглянула на экран и быстро прижала к уху.

– Да, мама! Что случилось?

В трубке сначала что-то шуршало, скрипело, потом раздалось кряхтение. Наконец слабый голос матери произнёс:

– Мне плохо, Оля... я умираю...

– Мам, ты что?!

Ольга Васильевна в волнении вскочила, задев рукой стопку документов на столе, и бумажные листки рассыпались по полу ординаторской.

В комнату вошёл доктор Сергеев и с удивлением уставился на коллегу. А та металась между шкафом и столом, собирая вещи в сумку и одновременно стягивая с плеч белый халат.

– Какое у тебя давление, мам? – говорила она в трубку. – Двести на сто двадцать?! Я вызываю скорую помощь! Как это «не надо»? Это же опасно! Уже приняла лекарство? Уже лучше?... Ладно. Я выезжаю. А ты лежи, не вставай и через пятнадцать минут опять измерь давление. Слышишь меня?

Кивнув на прощание Петру Михайловичу, врач побежала по коридору к выходу из отделения. Лицо её покраснелось, глаза горели тревожным огнём.

А доктор Сергеев, пожав плечами, принялся собирать разбросанные по полу бумаги.

Юлия сидела на скамейке в тени сиреневых кустов и ждала подругу. Вдруг заметила её у дверей кардиологического корпуса и вскочила, замахала рукой, привлекая к себе внимание.

Но, к большому удивлению Сидельниковой, Ольга Коняшкина в мятой юбке и старомодной кофточке пронеслась мимо, даже не взглянув в её сторону.

Рука Юлии опустилась. Она растерянно смотрела вслед бывшей сокурснице и ничего не понимала: куда она побежала?

Вскоре располневшая, неуклюжая фигура скрылась за поворотом парковой дорожки в направлении центральных ворот санатория.

– Вот и поболтали по-дружески! – пробормотала Юлия.

Она фыркнула насмешливо и тоже пошла к выходу, пытаясь подавить в груди всплеск раздражения.

Глава 3

Мама

Ольга Васильевна не стала, как обычно, заходить в продуктовый магазин, а поспешила от автобусной остановки к дому, в котором жила мать.

Сердце в груди колотилось так, что было трудно дышать. Голова раскалывалась от боли: видимо, у самой от волнения поднялось давление.

Но сейчас она о себе не думала.

Вбежала в подъезд старой панельной пятиэтажки. Лифты в таких домах не предусматривались, надо было подниматься по лестнице.

Но на втором этаже силы женщину оставили. Пришлось прислониться к обшарпанной стене и перевести дыхание. Кровь гулко пульсировала в ушах.

На четвёртом этаже, перед обтянутой коричневым дерматином дверью, она достала ключи из сумки и дрожащими руками с трудом открыла замки.

Квартира всегда казалась грязной и запущенной, хотя раз в неделю приходила соседка и прибиралась, да и Ольга, навещая мать, всегда наводила порядок. Не иначе как в доме жил странный домовый – любитель бардака. Пыль, мусор, ненужные вещи как будто материализовывались из воздуха и захламляли пространство.

Впрочем, в доме жила старая, больная женщина. Чего ещё ждать?

– Мам, это я! – бросая ключи на полочку перед зеркалом и опуская сумку на стул, крикнула Ольга.

Из большой комнаты доносился гул телевизора. Мать, Алевтина Борисовна, страдая от больных суставов и лишнего веса, редко выходила на улицу, целый день проводила, смотря разнообразные телешоу.

Скинув туфли с уставших и отёкших ног, Ольга прошла в комнату.

На диване, занимая большую его половину, сидела очень полная старая женщина. Её тело напоминало вытекшее из кадушки перебродившее тесто. Этой бесформенной, облачённой в выцветший фланелевый халат туше странно не соответствовали детские ступни в войлочных тапочках и маленькая голова с растрёпанными седыми волосами.

– Ах, это ты... – Мать бросила на дочь безразличный взгляд. – Зачем приехала?

– Как «зачем»? – опешила Ольга. – Тебе же было плохо! Я всё бросила и...

– Мне всегда плохо! – возразила Алевтина Борисовна, нажимая кнопку на пульте и демонстративно увеличивая звук.

«Я ей опять мешаю!» – с горечью подумала Ольга. Впрочем, мать всегда так встречала единственную дочку, точно та была перед ней в чём-то виновата.

– Как твоё давление?

– Хм! – фыркнула мать. – Можно подумать, тебя это волнует!

– Ну конечно волнует! Я приехала, потому что ты сказала, что тебе плохо, подскочило давление.

– И что?.. Я, как всегда, наглоталась таблеток, и давление снизилось. Сто пятьдесят на восемьдесят. Только что мерила.

Алевтина Борисовна не смотрела на дочь, уставив взгляд бледных голубых глазок в экран телевизора, всем своим видом показывая, что этот разговор её раздражает.

– Ну, слава богу! – вздохнула Ольга и пошла заниматься уборкой.

Она вымыла пол в коридоре и кухне, собрала разбросанные по всем углам смятые бумажки, какие-то чеки, рекламные листовки, выданные из ученической тетради странички

и прочий мусор. Убрала с пола в шкаф скомканные кофты и чулки. Смела со стола крошки. Расставила по местам стулья.

Приведя дом более или менее в порядок, вернулась в гостиную.

– Давай давление измерим, – предложила Ольга, доставая из ящика тонометр.

Мать нехотя протянула руку. Лицо её при этом сменило выражение с недовольно-раздражённого на страдающее.

– Мне неловко беспокоить тебя, Олюшка, но ты же доктор. К кому мне ещё обращаться за помощью?.. Вот я и звоню тебе, если мне плохо. – Голос стал заискивающим.

– И правильно делаешь, – заверила дочь, надавливая резиновую грушу и нагнетая воздух в манжету измерительного прибора. – Не дёргать же по пустякам неотложку... Давление нормальное, слава богу.

– Ты считаешь, что моё здоровье – это пустяки?! – в глазах матери мелькнуло возмущение.

– Нет конечно! – спохватилась Ольга. – Просто мы с тобой и сами вполне можем справиться с твоим давлением. Ведь правда?.. И с сердцем, и с диабетом справимся. Я же всё-таки врач.

– Врач по телефону! – Алевтина Борисовна недовольно поджала тонкие бледные губы. – Тебя никогда нет рядом, если мне плохо.

Ольга тяжело вздохнула: разговор вырливал на привычную колею.

– Извини, мамочка, но я работаю далеко от тебя.

– Так поменяла бы работу! Будто в городе нельзя устроиться в поликлинику или в больницу, обязательно надо гонять к чёрту на кулички в твой санаторий.

– Мама, мне нравится моя работа, – терпеливо возразила Ольга Васильевна. – Я много лет работаю в этом санатории и никуда не собираюсь уходить.

– А старая мать пусть умирает в одиночестве!

– Я предлагала тебе переехать в мою служебную квартиру.

– В ту деревню?.. Ты с ума сошла?! Поменять Санкт-Петербург на деревенскую глушь! Это уму непостижимо. Здесь музеи, театры, парки, дворцы, а там что? Огород, лес да озеро? Такой жизни ты желаешь для матери?..

– Мама, живя в Петербурге, ты часто ходишь по музеям и театрам? Ты же всё время смотришь телевизор. Даже в магазин не ходишь, потому что продукты тебе приношу я или соседка.

– У меня суставы больные! – воскликнула Алевтина Борисовна с таким видом, будто этот недуг был главным достижением её жизни.

– На природе да на свежем воздухе и суставам твоим стало бы легче, – не сдавалась дочь.

– Да в твоей хибаре при печном отоплении у меня не только суставы, у меня всё болеть будет!

Старуха махнула на Ольгу рукой и снова уставилась в телевизор. Этот разговор раздражал обеих, но никто не хотел уступать.

Ольга Коняшкина ещё в первые годы работы в санатории получила служебное жильё – маленькую квартирку в старом деревянном доме с печным отоплением, которая находилась в посёлке, совсем близко от санатория. Бывший главврач хорошо относился к молодому специалисту, опекал её и жалел, потому что мотаться каждое утро в город, а вечером назад было очень тяжело. Дорога занимала больше двух часов в один конец, а Ольга Васильевна к концу рабочей недели еле держалась на ногах.

Барак на четыре квартиры был старым, но уютным. Ольга Васильевна привела в порядок крошечную кухоньку, узкую тёмную спальню и особенно уютную из-за печки-голландки гостиную, привезла туда необходимые вещи и всю неделю жила здесь, приезжая к матери только на выходные.

Никому, даже самой себе, она не признавалась, что в служебной квартире ей легко и свободно дышится. В родном же доме, рядом с самым близким, казалось бы, человеком, ей всё время не хватало воздуха, как при астме.

Поэтому, когда мать заводила разговоры на тему увольнения и возвращения в город, Ольга вставала в позу и упрячилась, чего не позволяла себе никогда по другим поводам.

– Мама, оставим этот бессмысленный спор! – вставая со стула и убирая тонометр, воскликнула она. – Давай я лучше покормлю тебя.

– Я не хочу есть! – заупрямилась Алевтина Борисовна, недовольная тем, что дочку снова не удалось убедить.

– Ну, немного поесть надо, мамочка, – возразила Ольга и отправилась на кухню.

«Сейчас быстренько сделаю салат из овощей, сварю гречку и грибной суп-пюре», – думала она, доставая из кухонного шкафчика коробку с крупой. Сахарный диабет у матери протекал тяжело, скачки глюкозы в крови никак не удавалось стабилизировать с помощью таблеток. Дочь выискивала в интернете рецепты вкусных и полезных диетических блюд, однако угодить привередливому вкусу Алевтины Борисовны было очень сложно.

Ольга распахнула дверцу холодильника, чтобы достать овощи, и ахнула, округлив от изумления глаза: на средней полке стояла тарелка с остатками шоколадного торта.

– Мама, ты что, опять ела сладкое?! – крикнула она, доставая запретное лакомство. Внутри всё кипело и клокотало от возмущения. – Ты хочешь, чтобы тебя на инсулин перевели?!

Держа в дрожащей руке тарелку с тортом, Ольга вышла в комнату и уставилась на мать суровым взглядом.

– Как это понимать, мама?..

Алевтина Борисовна презрительно фыркнула:

– Подумаешь! Да это Валька заходила квартиру мыть и заодно чайку попить, вот и принесла с собой. Я даже кусочка не попробовала.

– Не попробовала? Что-то сомневаюсь! – Ольга попыталась заглянуть старухе в глаза. Но та отвела взгляд, сосредоточившись на телевизоре. – Ты меня обманываешь, мама. А я-то бьюсь, как рыба об лёд, чтобы подобрать тебе лекарства от диабета, и никак не пойму, почему сахар не снижается! А ты поступаешь, как...

Она замялась, пытаясь подобрать слова.

– Как?.. Ну как я поступаю?! – отбросив в сторону пульт от телевизора, воскликнула Алевтина Борисовна, переходя от защиты к наступлению.

Будет её ещё учить дочь-соплячка!

– Как неразумный ребёнок!

Ольга Васильевна со стуком поставила тарелку на стол. Она из последних сил сдерживала себя, хотя очень хотелось швырнуть эту злополучную тарелку об стену.

– А по-твоему, я должна лишиться себя последней радости в жизни?! – Мать повысила голос. – Я и так тут страдаю брошенная, никому ненужная, одинокая...

Слёзы брызнули из её глаз и потекли светлыми ручейками по морщинистым щекам. Алевтина Борисовна сразу стала похожа на несчастного, несправедливо обиженного ребёнка.

В груди заныло и закололо. Мать действительно очень больной и несчастный человек, а она её ещё попрекает, когда надо найти спокойные и правильные слова, чтобы объяснить, убедить.

– Мам, но ты же умная женщина! – под села дочь на диван к Алевтине Борисовне. – Ты ведь понимаешь, что нарушение диеты грозит тебе ухудшением здоровья. Нельзя так рисковать. Это опасно!

– Наплевать! Раньше умру – тебе же будет лучше. Все только и ждут, когда меня не станет.

Старуха рыдала, судорожно размазывая влагу по лицу, вздыхая и постанывая, отчего Ольге самой захотелось расплакаться.

– Не говори так, мама! – воскликнула она, пытаясь обнять страдалицу. Но та недовольно отпихнула от себя дочь. – Ты же знаешь, кроме тебя у меня никого нет!

– Ладно, хватит! – заявила Алевтина Борисовна, переставая лить слёзы, как по команде режиссёра. – Свари лучше грибной суп. Что-то я проголодалась.

Чувствуя себя куском торта, раздавленным и размазанным по тарелке, дочь поднялась и поплелась на кухню. «Хорошо, что хоть за боровиками в лес не послала...» – с горечью подумала Ольга Васильевна.

Механически нарезая овощи и складывая их в миску, женщина думала о том, что она плохая дочь, неблагодарная. И мать за обедом непременно отведёт душу, вспоминая, как вырастила её одна, без мужа-предателя, бросившего семью, когда Оле было всего пять лет; как последние копейки считала, чтобы только выучить дочку, дать ей возможность получить хорошее образование. Вырастила, выучила на свою голову!..

В свои сорок три Ольга Васильевна Коняшкина чувствовала себя маленькой девочкой, которую мама поставила в угол за плохое поведение и теперь долго будет читать нотации.

Она обречённо вздохнула и принялась мыть посуду.

Глава 4

Новый пациент

Раиса Ивановна, старшая медсестра кардиологического отделения, вышла из административного корпуса с пачкой подписанных начальством документов и направилась было в свой корпус, но краем глаза на парковке заметила главного врача.

Липцовский встречал незнакомого седого мужчину, только что выбравшегося из автомобиля. Раиса Ивановна остановилась и спряталась за стволом сосны, внимательно наблюдая за происходящим. Ей было любопытно: кого это так радушно встречает главный?.. Какой-нибудь чиновник из комитета по здравоохранению?

Но седой взял с заднего сиденья машины дорожную сумку и направился следом за Липцовским.

Старшая медсестра думала, что мужчины пойдут в административный корпус, но ошиблась. Дмитрий Андреевич вручил незнакомцу какие-то бумаги, дружески хлопнул того по плечу и, указывая рукой направление, стал что-то объяснять. Седой кивнул и зашагал в сторону кардиологического корпуса, закинув на плечо дорожную сумку. А начальник вернулся в администрацию.

Раиса Ивановна почесала кончик носа: она всегда так делала, усиленно размышляя. Кто же этот тип? Не чиновник точно. Однако главный вёл себя с ним как с хорошо знакомым человеком. Друг Липцовского или родственник? Хм... И идёт к ним в кардиологию!

Старшая медсестра подхватила и побежала, стремясь обогнать незнакомца и оказаться на месте раньше него.

Юрий Никитич был приятно удивлён уютом предоставленного в его распоряжение номера.

Все удобства, включая телевизор и холодильник. Симпатичный ночничок на прикроватной тумбочке, чтобы можно было почитать перед сном. Удобная кровать с жёстким ортопедическим матрасом, как и любил Кравченко. На стене – репродукция неизвестного художника с видом Санкт-Петербурга. Ну просто гостиничные апартаменты, если бы не вездесущий, еле уловимый запах лекарств – признак всех медицинских учреждений.

Не успел он устроиться на новом месте, развесить одежду в шкафу, как в номер постучали.

– Да-да! – воскликнул Кравченко.

Дверь распахнулась, и на пороге предстала женщина средних лет в медицинском халате. Волосы ее были выкрашены в ярко-рыжий цвет, что подчёркивало зелёные глаза с хитринкой.

– Как устроились, Юрий Никитич? – улыбаясь, поинтересовалась она.

– Замечательно! Мне нравится, – кивнул полковник, гадая про себя, кто эта женщина.

Но дама сама представилась и затараторила:

– Я старшая медсестра этого отделения Раиса Ивановна Тарасова. По всем организационным вопросам можете обращаться ко мне. Если будут какие-то проблемы, я всё-всё решу...

– Ну что вы, Раиса Ивановна! – прервал её Кравченко. – Всё прекрасно, никаких проблем. Я намерен здесь у вас отдохнуть, чуть-чуть подлечиться и подышать свежим воздухом.

Открытой, дружелюбной улыбкой он демонстрировал, что за него отделению кардиологии можно не волноваться.

Тарасова успокоилась.

– Ну что ж, надеюсь, курсом лечения вы останетесь довольны. Располагайтесь, обустройтесь, скоро у нас обед. Всего хорошего!

Старшая медсестра повернулась уходить, но полковник её остановил:

– Раиса Ивановна, а правда, что у вас в санатории есть бассейн и тренажёрный зал?

– Правда. Бассейн замечательный, там каждый день проводятся занятия аквааэробикой. На тренажёрах опытные инструкторы помогают больным восстанавливаться после травм.

Это напоминало рекламную кампанию, и Юрий Никитич поднял руку, останавливая поток слов:

– Раиса Ивановна, а могу я просто по вечерам плавать в бассейне без всякой аквааэробики? Ну, для себя, ради удовольствия.

Он улыбнулся и вопросительно посмотрел на старшую медсестру. Ничто не устанавливает доверие так, как личная просьба. Проситель превращается в человека зависимого, а значит, безопасного. Да и чувствовать себя если не всемогущим, то хотя бы способным выполнить чью-то просьбу, всегда и всем приятно.

Раиса тоже заулыбалась, на её щеках вспыхнул яркий румянец.

– Конечно, Юрий Никитич! Я обо всем договорюсь, и вы сможете ходить в бассейн, когда вам удобно.

– Вы так любезны! – Кравченко прижал руку к сердцу и церемонно поклонился.

Выходя из номера нового пациента, Раиса думала, что угодить личному знакомому главного врача – очень мудро с её стороны. Тем более что атмосфера в отделении накалялась, и, – она чувствовала это нутром, – в недалёком будущем могла разразиться настоящая гроза. Не лишним будет подстраховаться.

Лечащим врачом Юрия Никитича оказалась весьма странная женщина.

В Ольге Васильевне Коняшкиной откровенная некрасивость и неухоженность удивительным образом сочеталась с мягкими, плавными линиями располневшей фигуры, тихим, тёплым голосом и добрым взглядом светло-голубых глаз. Она была точно из другого века, по странной причуде судьбы оказавшейся в нашем времени. Полковник сразу представил её в этом же санатории лет шестьдесят – семьдесят назад, помогающую восстановить здоровье труженикам советских фабрик и заводов, победителям социалистического соревнования. «Несовременная», – мысленно характеризовал её Кравченко.

– Я вам назначу необходимые препараты, – сказала Ольга Васильевна, закрывая историю болезни и убирая простенькую шариковую ручку в карман. – Завтра пообщаетесь с физиотерапевтом, вам назначат процедуры, лечебную физкультуру, массаж.

– Массаж – это хорошо! – обрадовался Кравченко. – А можно мне ещё рисовать?

– Рисовать? – вскинула светлые брови доктор. – Вы художник?

– О нет! Я обыкновенный любитель. Аquarelle и пейзажи – моя страсть. А тут такая прекрасная природа! Не хочется упускать возможность. Если вы, конечно, разрешите.

Коняшкина кивнула.

– Разрешаю! Рисуйте на здоровье, тем более на свежем воздухе это полезно. Только процедуры не пропускайте.

– Угу. Обещаю подарить самый лучший пейзаж своему лечащему врачу! – Кравченко торжественно выпрямился и поднял правую руку, точно давал клятву перед судом присяжных.

Ольга Васильевна засмеялась. Её круглое блёклое лицо сразу помолодело, на щеках заиграли ямочки, в глазах появился живой блеск. «Да она русская красавица!» – заметил Кравченко, удивившись такому мгновенному преображению.

Есть категория женщин, которым достаточно улыбнуться, чтобы стать красивыми. Проблема в том, что улыбаются они крайне редко.

– Ловлю вас на слове, Юрий Никитич. Отдыхайте, лечитесь, рисуйте. А я по мере сил вам помогу.

Обосновавшись в своём номере, Кравченко отправился в столовую.

Обеденный зал всколыхнул в душе воспоминания юности, ведь своим устройством он ничем не отличался от классической советской столовки. Но выкрашенные недавно в пастельные тона стены, сверкающая чистотой посуда, белоснежные крахмальные скатерти на столах и вполне современные светильники под потолком сглаживали это впечатление, даже делали его приятным. Ведь большинству людей приятно вспомнить юность.

Юрий Никитич немного растерялся и застыл в двух шагах от входа, пытаясь сообразить, что ему делать.

– Чего застыл, как соляной столб? – раздался ворчливый голос сбоку, и полковник обернулся.

Перед ним стояла с подносом в руках пожилая дама с сиреневыми волосами, подчёркивающими пронзительную голубизну глаз. Но недовольно нахмуренные брови и поджатые уголки губ делали её лицо злым, неприятным. А длинный нос пробуждал в памяти портрет героини известного мультфильма – старухи Шапокляк.

– Извините, – пробормотал Кравченко, решив, что чем-то помешал женщине.

– Новенький, что ли? – спросила та, весьма неделикатно отодвигая его плечом от стопки тарелок и чашек на сервировочном столике.

– Да. Я только сегодня приехал.

– Так бери поднос, посуду и вставай в очередь за мной.

Выполнив указания строгой дамы, через пару минут Юрий Никитич, уже с полным подносом, отходил от линии раздачи, где две молоденькие поварахи в крахмальных белых колпаках наливали в тарелки суп и накладывали второе блюдо.

– Идите ко мне! – командовала всё та же сиреневая дама.

Не отдавая себе отчёта, почему выполняет эти приказы, Кравченко поплёлся к дальнему столику в углу. А дама уже усаживалась на стул, достав бумажную салфетку и тщательно протирая ею столовые приборы.

– Непонятно, чем они моют здесь ложки и вилки, – проворчала женщина. – Садитесь! – Она кивнула на стул напротив себя.

Полковник послушно сел.

– Меня зовут Вероника Марковна, – представилась дама, – я тоже новенькая. Вчера приехала вечером, но уже успела осмотреться. Как вам эта богадельня?

Дама вскинула на него глаза, и они сверкнули ледяной синью.

– «Богадельня»? – переспросил Кравченко. – А мне вполне нравится здесь. По-моему, симпатичное местечко.

– Вы непритязательны, – заключила Вероника Марковна и кивнула собственным мыслям. – Холостяк.

– Почему вы так думаете?

Старушка всё больше и больше забавляла Юрия Никитича. Интересный человеческий экземпляр!

– Кольца нет. Приехал один в санаторий, куда обычно ездят с супругами. Да ещё и без претензий. Значит, холостяк.

Кравченко улыбнулся:

– Интересный ход мысли. Но вы почти правы, я уже несколько лет как в разводе. А вы, прошу прощения за дерзость, почему одна?

– Потому что я вдова. Муж мой, Владимир Анатольевич Керн, скончался три года назад от острого инфаркта. Да вы, возможно, его знали: он был известный учёный-физик, профессор.

Юрий Никитич несколько виновато пожал плечами:

– Простите, но к физике я не имею никакого отношения, поэтому...

– Ничего страшного! – взмахнула сухонькой ручкой с идеальным маникюром дама. – Конечно, чтобы знать Керна, надо быть причастным к миру учёных.

– Увы, эта фамилия напоминает мне только стихи Пушкина.

– Да, мой муж из рода тех самых Кернов. Он был очень благородным человеком... – Вероника Марковна вздохнула, явно разочарованная тем, что теперь таких благородных просто нет. И вдруг добавила, поднеся ложку с супом к носу и приносясь: – Кислятиной пахнет, вам не кажется? – Она недовольно наморщила нос.

– Нет, не кажется. Очень вкусный суп.

– Ха-ха! – Женщина отодвинула в сторону нетронутую тарелку. – Вы точно привыкли питаться полуфабрикатами, если вам такое нравится.

Кравченко вздохнул. Возразить было нечего. Похоже, старушка видела его насквозь.

– Вы мне так и не представились, а это невежливо с вашей стороны.

– Ой, извините! – Он чуть не подавился супом под требовательным взглядом голубых глаз. – Прошу прощения. Кравченко Юрий Никитич.

– Вы у какого врача лечитесь? – продолжила допрос Вероника Марковна.

– У Коняшкиной.

– У этой квашни?

Полковник рассердился. Кто дал этой Шапокляк право вешать ярлыки на уважаемых людей?..

– Ольга Васильевна хороший доктор и вполне симпатичная женщина, – возразил он.

– Ладно, ладно, не обижайтесь! – усмехнулась старуха. – На вкус и цвет, как известно, товарищей нет. Может, для вас она вполне симпатичная. А я лечусь у этого недомерка Сергеева.

– Что ещё за недомерок? – Кравченко начал раздражать этот разговор.

Судя по всему, его собеседница была переполнена ядом, который так и капал с её острого языка.

– Не врач, а мальчишка, да ещё и метр с кепкой! Я вообще-то рассчитывала лечиться у заведующего отделением Борисова. А он взял, да и отправился в отпуск буквально пару дней назад! Не повезло.

– Не расстраивайтесь, Вероника Марковна! В конце концов, вы не при смерти, а значит, Сергеев, скорее всего, справится с задачей укрепить ваше здоровье. Надо надеяться на лучшее.

Керн посмотрела на своего визави с подозрением, будто он сморозил такую чушь, что это могло свидетельствовать о его умственной неполноценности. Захотелось уколоть старуху.

– А вы, часом, не учительница в прошлом? – И улыбнулся, заметив замешательство в голубых глазах.

– Почти угадали. Я долгие годы преподавала в институте.

Дама гордо расправила плечи и подняла голову, тряхнув сиреневыми кудряшками.

«Ага, – подумал Кравченко, – и студенты тебя ненавидели и звали мымрой или Шапокляк».

После обеда оба отправились к себе.

Юрий Никитич взял лист бумаги и с задумчивым видом нарисовал свою новую знакомую.

Портрет действительно сильно смахивал на популярного в детстве персонажа. Из-под полей круглой шляпки торчал длинный острый нос, чутко приносящийся ко всему. Этот нос легко выделял из десятков разнообразных запахов аромат сплетен и скандалов. Вроде бы симпатичная, элегантная старушка, но было в ней нечто отталкивающее.

Неприятной неожиданностью для Юрия стало и то, что поселили их в одноместных номерах через стенку. Чутьё подсказывало, что это соседство не к добру.

Глава 5

Восточная принцесса

Анора Сагдиева клеивала анализы в истории болезней, когда услышала за спиной:

– Эй, милочка, как вас там!

Девушка обернулась, с удивлением уставившись на пациентку из 19-го номера с непривычной фамилией Керн.

– Это вы мне?

– Ну а кому же ещё!

Дама с сиреневыми волосами поманила Анору пальцем. Лицо её при этом приняло таинственное выражение, будто она хотела поделиться с медсестрой каким-то секретом.

Анора отложила в сторону свою работу, поднялась из-за стойки сестринского поста и подошла к женщине.

– Милочка, – шёпотом, из-за чего медсестре пришлось к ней наклониться, Вероника Марковна спросила: – У вас есть инвалидное кресло-коляска?

– Конечно, – кивнула Анора, удивившись ещё больше.

– Тогда доставьте его сюда. У меня через двадцать минут назначен массаж, а я не могу дойти до физиотерапевтического корпуса.

– А что случилось?

– Колено разболелось. Поспешите, милочка! – Голос старухи окреп, в нём зазвенели командные нотки. – Время идёт.

– Хорошо, – согласилась Анора и отправилась в подсобку, где хранилась инвалидная коляска. Ею пользовались крайне редко, ведь большинство пациентов в кардиологии были вполне себе ходячими.

Вероника Марковна, нервно поглядывая на наручные часы, встретила вернувшуюся девушку недовольным возгласом:

– Почему так долго?! Давайте быстрее!

Она уселась в кресло, поправила подол старомодного, но яркого крепдешинового платья и приказала:

– Везите меня на массаж!

На секунду Анора опешила. У неё было полно своей работы, к тому же возить пациентов в другие корпуса на процедуры в обязанности медсестры не входило. А ещё она прекрасно помнила, как эта пациентка всего полчаса назад шустро трусила по коридору в сторону столовой, обгоняя других пациентов, и вовсе не хромала. Колено у неё болит, видите ли!

Но девушка сдержала себя и кротко улыбнулась:

– Хорошо. Поехали.

Выехали из здания. Летнее утро благоухало ароматами цветов. Лёгкий ветерок приносил с озера свежесть. Жара ещё не окутала санаторий душным одеялом, поэтому прогуляться лишний раз по парку было приятно.

Анора с улыбкой смотрела по сторонам, не обращая внимания на понукания мадам Керн: «Быстрее! Ну что вы как сонная муха?»

Благополучно добрались до физиотерапевтического корпуса, где располагались кабинеты массажа. Этот метод лечения был востребован не только перенёсшими травмы, но и кардиологическими больными. Да и сами сотрудники санатория, как неоднократно слышала Анора, частенько пользовались помощью опытных массажистов.

Не успела медсестра остановить кресло-каталку с пациенткой перед дверью с табличкой «7», как дверь распахнулась.

На пороге стоял высокий широкоплечий блондин с простоватой, типично русской физиономией. Под рукавами его униформы бугрились мощные бицепсы.

– Кто на десять тридцать? – спросил он, встретившись взглядом с Анорой.

– Я!.. Я!

Забыв о своей беспомощности, Вероника Марковна вскочила и шмыгнула мимо здоровяка в кабинет, бросив коляску в коридоре.

А массажист с круглыми от изумления голубыми глазами всё пялился на Анору, кажется, потеряв дар речи.

– Извините, – произнесла девушка, не понимая причину ступора массажиста, – можно коляску оставить в вашем кабинете? Ну, чтобы не потерялась во время процедуры.

Парень молчал и только смотрел, не отрываясь. «Да что с ним такое?» – с раздражением подумала Анора.

– Можно? – повторила она громче, решив, что он плохо слышит.

Тот растянул губы в улыбке и кивнул.

– Когда вернуться за пациенткой? – спросила Анора, закатив кресло в угол просторного, светлого кабинета с массажным столом в центре.

– Через полчаса... – проронил наконец блондин.

– Хорошо, я постараюсь не опаздывать.

Девушка попыталась выйти из кабинета, но здоровяк преградил ей дорогу:

– Вас как зовут, коллега?

– Анора, – ответила она, поддавшись на слово «коллега».

Обычно она так не делала. Кому какое дело до её имени?..

– А меня Иван. Это ж в каком отделении водятся такие дивные красавицы?

Он всё стоял, перегораживая ей проход, и глуповато улыбался. А в глазах парня светился такой восторг, словно он увидел подлинное чудо.

Анора возмущённо фыркнула, отодвинула хозяина кабинета с пути и зашагала прочь по коридору, гордо вскинув голову.

Ох уж эти пошляки со своими дурацкими комплиментами!

Иван с сожалением смотрел, как удаляется стройная фигурка в ладно сидящей на ней белой униформе – брюки и жакетик. Ах, какая девушка! Мечта, а не девушка! Он таких красивых ещё не видел.

От романтических грёз, наполнивших душу, Ивана пробудил недовольный окрик:

– Ну, что вы там застыли?.. Я готова. Мне, между прочим, на массаж полагается тридцать минут, а вы теряете время. Я пожалуюсь вашему начальству!

– Извините, – сказал Иван, возвращаясь к реальности и тихо закрывая дверь кабинета.

Анора вернулась в свой корпус и застыла на месте в пяти шагах от сестринского поста. Старшая медсестра рылась в бумагах на столе, будто что-то искала. Но, заметив подчинённую, вскинула на неё злые глаза:

– Сагдиева, где ты шляешься?! Я тебя уже предупреждала: если будешь отлынивать от работы, уволю к чёртовой матери!

Анора в карманах сжала руки в кулаки, сердце в груди возмущённо забилося.

– Я, Раиса Ивановна, не шлялась, а сопровождала пациентку на массаж, – ответила она, постаравшись, чтобы голос звучал как можно твёрже.

– Какую ещё пациентку? – возмутилась начальница.

– Керн из девятнадцатой палаты.

– Это дело санитаров!

– Так этих санитаров разыскивать нужно по всему корпусу, а больная опаздывала. Вот я и отвезла её в инвалидной коляске.

– Почему в коляске? – неподдельное удивление сбило накал негатива со старшей медсестры. Кажется, её мысли переключились с нерадивой Сагдиевой на странную пациентку. – Она разве у нас неходячая?

– Ходячая. Но сегодня у неё колено разболелось. Так что я, Раиса Ивановна, не отлынивала от работы, а наоборот, выполняла обязанности санитаров. И увольнять меня у вас нет никаких причин. И не будет!

Первая растерянность прошла, и девушка чувствовала себя бойцом, вышедшим на ринг и вставшим в боевую позу. Не позволит она этой стерве унижать её и издеваться!

Тарасова презрительно фыркнула и небрежным жестом столкнула со стола пачку историй болезней. Бумаги рассыпались по всему полу.

Анора от такой наглости потеряла дар речи.

– Какая же ты неаккуратная, Сагдиева! – заявила старшая медсестра, мстительно сузив глаза. – Быстро наведи порядок, а то выговор влеплю!

И ушла, торжествуя цокая каблуками.

Анора же чуть не заплакала: ну что она к ней цепляется, эта гадина?! Несправедливо же! И пожаловаться-то некому... Она всхлипнула, с трудом сдерживая слёзы, и опустила на корточки. Теперь все анализы перемешались. Придется всё заново разбирать.

– Давайте я вам помогу! – раздался рядом мужской голос.

Девушка подняла глаза. Это был новый пациент из восемнадцатого номера, Кравченко.

– Спасибо, я сама, – возразила она.

Но седовласый мужчина, отложив в сторону какую-то странную деревянную коробку с металлическими стержнями, не послушался и тоже опустился на корточки.

– Вдвоём же быстрее! – заявил он, одарив девушку тёплой, сочувствующей улыбкой. – За что она с вами так?..

– Как? – округлила карие глаза Анора.

Неужели он всё видел?

– Грубо и несправедливо.

– Вам показалось. Бумаги упали случайно.

Девушка почувствовала, как краснеют щёки от этой лжи. Она очень не любила врать. Но не пускаться же в объяснения с совершенно посторонним человеком!

– Ну, случайно так случайно. Я вам помогу всё собрать, а вы мне скажете, как пройти к озеру. Хочу порисовать немного до обеда.

– Порисовать?.. Вы художник? – удивилась Анора.

– Любитель. Но здесь очень красиво, так что хочется заняться пейзажной живописью.

– Как здорово! – восхитилась девушка, прижимая к груди стопку бумаг и поднимаясь на ноги. – Конечно, я покажу вам самую короткую дорогу.

Совместными усилиями они подобрали все разбросанные листы, сложили их на столе сестринского поста. Кравченко подхватил свою странную коробочку, повесил на плечо с помощью широкого ремня, и они пошли по коридору к выходу.

– А что это у вас такое? – поинтересовалась Анора.

Она мельком обернулась, чтобы не пропустить злобную начальницу. А то опять скажет, что Сагдиева отлынивает от работы... С неё станется.

– Это? – Юрий Никитич вытянул руки с загадочной коробкой. – Это этюдник. Специальное приспособление для художников. Раскрывается, ставится на ножки, из него достаются краски, устанавливается лист бумаги и – можно творить!

– Так просто?

– Да, так просто.

Кравченко с интересом смотрел на девушку. Ну прямо пери! Любопытно: откуда к нам свалилось это чудо?.. Из Узбекистана или Таджикистана?.. В её лице с тонкими чертами

и выразительными карими глазами читался аристократизм благородных семейств древней Бухары или Самарканда.

– Ах, Анорочка! Если бы я был настоящим художником, я бы непременно написал ваш портрет. Но увы, меня хватает только на простенькие пейзажики.

Юрий Никитич вздохнул и пожал плечами. Ему действительно очень хотелось запечатлеть эту утончённую красоту, и портрет сам собой стал складываться в воображении. Почему-то он видел эту восточную красавицу в виде джинна, вылетающего из бутылки в клубах дыма. Прелесть девушки сочеталась с неясной опасностью. Странно: что может быть опасного в юной мигрантке?.. Волшебные чары, таинственные заклинания – явления загадочные, непонятные простому человеку, отсюда и ощущение опасности. Кто знает, что может наколдовать эта кареглазая дива?..

– Эх, какое чудесное лето в этом году! – воскликнул Юрий Никитич, окидывая радостным взглядом окрестности. – Ни на какой юг ехать в отпуск не надо. Ведь правда, Анора?

– Это точно, – согласилась спутница. – Вон в новостях передавали, что на Чёрном море то ураганы, то ливни. Так что у нас тут даже лучше.

– Жарковато только немного.

– А мне в самый раз!

– Ну, это вам, молодым и здоровым. А пожилым и больным тяжеловато.

– Согласна с вами.

Кравченко помолчал минуту и задал самый важный вопрос:

– А правда, что у вас недавно пациент умер?

– Кто вам рассказал? – медсестра обернулась и замедлила шаг.

– Так, краем уха слышал, – с деланным безразличием махнул рукой Юрий Никитич.

– Вот ведь до чего языки длинные у людей! – возмутилась Анора.

– Врут, значит?..

– К сожалению, не врут. Да, умерла у нас недавно пациентка, – неохотно призналась девушка.

– А от чего? Злые языки говорят, что она сама на себя руки наложила.

– Ну что за глупости! – Анора даже остановилась и всплеснула руками. – Ещё сказали бы, что её убили.

– И такое могло быть? – Кравченко с любопытством сверлил взглядом раздумавшееся то ли от жары, то ли от возмущения, то ли по иной причине лицо спутницы.

– Ну конечно нет! Просто сложилось всё: старость, плюс больное сердце, плюс жара. Вот и не выдержал организм человека. Такое бывает. А вы не слушайте наших сплетников. Их хлебом не корми – дай придумать какую-нибудь глупость.

– Согласен, глупость ужасная.

Полковник и медсестра прошли по аллее и свернули на едва заметную тропинку, прячущуюся между кустами багульника.

– Вот по этой тропе вы через минуту окажетесь на берегу озера. Тут даже небольшой пляж есть, – рассказывала девушка, – можно искупаться. Правда, начальство не приветствует это. Но за кустами всё равно ничего не видно. Так что пользуйтесь моментом.

– О, Анорочка, я бы с удовольствием воспользовался вашим предложением, но тогда потеряю время. А ведь для живописи очень важно освещение... – Юрий Никитич придерживал руками лезущие в глаза ветки кустов, пропуская вперёд Анору. – Хочется успеть написать хоть один пейзаж. Вид отсюда прекрасный!

Они остановились и с восхищением не отрывали взгляда от уходящей вдаль спокойной поверхности воды, точно огромное зеркало отражающей лениво плывущие в небе облака. И это чудное природное зеркало было окружено, как багетной рамой, светлыми песчаными берегами и хвойными тёмно-зелёными лесами.

– Красота! – вздохнул Кравченко и стал устанавливать этюдник на алюминиевые раздвижные ножки.

Ему вдруг до кома в горле захотелось, чтобы никакое зло не коснулось этого дивного места, не нарушило гармонию природы. «И пусть здесь не будет никакого криминала» – мысленно взмолился Юрий Никитич.

– Ну, не буду вам мешать, пойду работать!

Анора махнула на прощанье рукой и побежала обратно, опасаясь снова наткнуться на Раису в таком неподходящем месте.

Молодая медсестра с головой ушла в разбор бумаг, собранных с пола. Надо было просмотреть каждый бланк анализов, сверить фамилии пациентов и вклеить в нужную историю болезни. Работа нудная и кропотливая. И ошибиться было нельзя. Если врачи обнаружат чужие анализы в историях своих пациентов, Аноре несдобровать! Раиса Ивановна не преминет воспользоваться ситуацией.

Её отвлёт от работы звук шагов по коридору.

– Ну, вот мы и на месте! – заявил здоровенный блондин по имени Иван, толкая перед собой кресло-каталку со старушкой Керн.

Вид у пациентки был недовольный.

– Анора, почему вы не пришли за мной, как договаривались? – требовательно спросила Вероника Марковна.

– Ой, простите, пожалуйста, – Девушка растерялась, не зная, как оправдаться. Она начисто забыла про пациентку! Признаться в этом было очень стыдно. – Меня отвлекли, и я замешкалась...

– Ничего страшного! – улыбаясь во весь рот, заявил массажист. – Я устроил себе небольшой перерыв и сам отвёз Веронику Марковну.

– Да, Анора, из-за вашей безалаберности Ванечка вынужден был нарушить свой график работы! Это непростительно!

С этими словами Вероника Марковна вскочила с кресла и понеслась по коридору в сторону своего номера, даже не поблагодарив Ивана. Очевидно, боль в колене после массажа прошла бесследно.

– «Ванечка»? – удивлённо хмыкнула Анора. – Вы успели расположить к себе эту придирчивую даму за полчаса?.. Да вы не только массажист, но и хороший психолог.

– Да я вообще неплохой парень! – ничуть не смутившись, заявил массажист.

Он облокотился на стойку регистратора, и Анора заметила какие у него сильные, тренированные руки. Да, профессия накладывала свой отпечаток.

– И скромностью вы не страдаете, – усмехнулась она, склонив голову над бумагами и пытаясь сосредоточиться на работе.

– Скромности во мне вполне достаточно, Анора. Просто вы мне очень понравились.

Откровенность этого богатыря обескураживала. Девушка оторвалась от работы и округлила глаза.

– И что?..

– Да вот думаю: завоюю ваше сердце и возьму в жёны. Пойдёте за меня, Анора?

У неё из рук выпала ручка.

– Ничего себе! – пробормотала медсестра внезапно севшим голосом. – А ничего, что вы меня совсем не знаете? И то, что я нерусская, не имеет для вас значения?

– Нет, – качнул головой парень. Взгляд голубых глаз был искренним и серьёзным. – Национальность не имеет значения.

– Хорошо бы так думала моя начальница...

– Я могу попробовать убедить её в этом.

– Вы шутник, Иван. А мне сейчас не до шуток. Да и вас пациенты, наверное, уже заждались. Идите к себе, Ванечка.

– «Ванечка» – это звучит многообещающе! – воодушевился неожиданный жених. – Я приглашаю вас на обед в столовую. У нас будет целый час, чтобы узнать друг друга получше.

Анора покачала головой: вот ведь настырный!

– Никаких обедов! У меня много работы. Я просто не успеваю ходить на обеденный перерыв. А ещё я терпеть не могу навязчивых и самоуверенных мужчин. Так что идите, Иван, и спасибо, что доставили бабушку Керн обратно.

– Ясенько... – вздохнул массажист. Он убрал свои мощные ручищи со стойки регистратора, выпрямил спину, развернул широкие плечи. – Я вас понял, о прекраснейшая из женщин. Обедать мне сегодня придётся одному. Но надежды я не теряю. До встречи!

Иван махнул ей рукой, развернулся и зашагал восвояси.

– Вот ведь чудак! – покачала головой девушка и вновь принялась за работу.

Выйдя на улицу, Иван столкнулся возле клумбы с доктором Сергеевым.

– Привет, Пётр Михайлович! Как твоя шея, не болит?

– Привет, Вань! – обрадовался встрече Сергеев. – Не болит, совсем не болит! Руки у тебя волшебные. Спасибо за помощь!

Пару месяцев назад из-за резкого и неловкого движения у него заклинило шею. Боль разрядами электрического тока стреляла в затылок так, что из глаз текли слёзы. Молодой кардиолог не мог повернуть голову ни на миллиметр. Вот тогда и пошёл он на поклон к самому опытному в санатории массажисту Ивану Дмитриеву. Ванька был не старше Петра, но успел поучиться даже в Китае, осваивая всевозможные техники массажа. Слава о его золотых руках распространялась далеко за пределы санатория.

– Ты торопишься, Пётр Михайлович?

– Нет. А что?

– Пошли посидим на скамеечке. Вопрос один у меня имеется.

Иван с заговорщицким видом подхватил Сергеева под руку и увлёк к скамейке, притаившейся в тени раскидистой липы.

– Петь, ты знаешь Анору?

– Конечно! Это наша медсестра. Очень хорошая, между прочим.

– То, что она хорошая, я знаю! Она замужем?.. Или, может, парень есть? Вот что меня интересует.

Сергеев пристально посмотрел на собеседника, а потом рассмеялся.

– Что, Вань, всех медсестёр физиотерапевтического корпуса охмурил, теперь на наших перекинулся?.. Массажист ты классный, однако и ловелас порядочный. Но Анору нашу я тебе в обиду не дам, хоть ты и друг мне!

– Да ладно тебе, Петь, – отмахнулся Иван. – Никакой я не ловелас. Это не я за девушками, а они за мной бегают. Ну а мне просто обижать их не хочется. А Анора ваша просто невероятная красавица. Я увидел её и обомлел! Так она замужем или нет?

– Нет, не замужем, и парня, насколько я знаю, у неё нет. Но это ничего не меняет, – сурово сказал Сергеев. – Анора у нас девушка строгая. Не любит она легковесный флирт или когда пыль в глаза пускают. Так что прекрати свои поползновения и найди себе другое развлечение.

– Зря ты так, Петя. Может, у меня серьёзные намерения. Вот возьму и женюсь на этой восточной красавице!

– Ну-ну, – саркастически хмыкнул Пётр Михайлович, – рискни! Риск – благородное дело. Но если ты обидишь девчонку, Ванечка, я тебе лично кое-что оторву. Понял?..

Иван с интересом уставился на этого невысокого молодого мужчину, явно проигрывающего ему в весовой категории. Но чёрные глаза Сергеева смотрели так грозно, что не возникло сомнений: врач не шутит.

– Понял, Петя, понял. За кого ты меня принимаешь? Да не обижу я Анору, не беспокойся. Вот завоюю её сердце и женюсь. На свадьбу-то придёшь, а, дружище? – И улыбнулся искренней, обезоруживающей улыбкой.

– Ты сначала завоюй, – ответил Сергеев, поднимаясь со скамьи, – а там посмотрим.

Иван кивнул и добавил уже в спину удаляющемуся приятелю:

– А ты заходи, если с шеей опять проблемы будут. Я её тебе мигом поправлю.

Глава 6

Чаепитие

Юрий Никитич закончил изучать истории болезней трёх умерших пациентов, присланные из архива Липцовским. Никакой ясности это не прибавило.

И дело было вовсе не в том, что полковнику было сложно разобраться в медицинской терминологии. Никаких «пересечений» между этими пациентами он не обнаружил.

Григорьев Алексей Михайлович, шестьдесят семь лет. Умер в конце апреля от повторного инфаркта миокарда. Довженко Ирина Юрьевна, семьдесят два года, скончалась в начале июня от острой сердечной недостаточности. Виноградова Мария Ивановна, семьдесят пять лет, завершила свою жизнь с тем же диагнозом: острая сердечная недостаточность.

Все наблюдались у разных врачей. Помимо проблем с сердцем страдали гипертонией, но получали разные препараты, понижающие давление. Можно ли спровоцировать высокой дозой гипотензивного препарата разные заболевания, приводящие к одному концу?

Кравченко закрыл последнюю тетрадь и положил на стол.

За окном сгустилась тёплая августовская ночь. В раскрытое окно заструилась наконец прохлада, принося с собой ароматы цветов, благоухающих на клумбах под окнами.

Захотелось пить. Полковник не догадался прихватить с собой бутылку минеральной воды, но уже знал, что в коридоре есть кулер.

Поднялся и отправился на поиски источника воды.

За дверью, в пустом коридоре, царили тишина и покой. В этот поздний час все пациенты спали. Отдыхал, видимо, и дежурный персонал.

Кравченко направился в конец коридора с намерением утолить жажду, как вдруг последняя дверь перед окном распахнулась, и сначала показалось ведро, потом швабра, а следом в коридор выбралась пожилая женщина в белом халате и косынке на голове. Полковник и санитарка чуть не столкнулись.

– Ты что ж не спишь, полуночник? – спросила женщина, опуская тряпку в ведро с водой.

– Да вот пить захотелось, – ответил Юрий Никитич, виновато улыбнувшись. – А я вам помешал наводить чистоту?

– Что ты, милоч! – махнула рукой в резиновой перчатке старушка. – Да я уже всю работу сделала. Чуть-чуть осталось.

– Извините, а звать вас как?

Кравченко стоял с пустым пластиковым стаканчиком в руке, лихорадочно соображая: кто может всё знать о пациентах и персонале и оставаться при этом малозаметным?... Конечно, санитарки и технички, выполняющие самую грязную и малооплачиваемую работу.

Вопрос об имени смутил санитарку, она стянула с рук резиновые перчатки и, неловко скомкав их, сунула в карман старенького халата.

– Да вообще-то Капитолиной Трофимовной зовут, но все меня кличут бабой Капой.

– Капитолина Трофимовна! – произнёс Кравченко нараспев, словно пробуя на вкус. – Какое у вас красивое имя! Красивое и редкое. Так что позвольте мне называть вас полным именем-отчеством, не лишайте удовольствия, так сказать.

Баба Капа, явно не привычная к комплиментам, хихикнула и махнула рукой:

– Выдумал тоже...

– Уважаемая Капитолина Трофимовна, а не подскажете, где у вас тут можно чайком разжиться? Очень чаю хочется.

– Так ночь на дворе! – удивилась старушка. – Кто ж по ночам чай пьёт?

– А у меня бессонница. А хороший чаёк, как известно, помогает расслабиться. Так что, если повезёт, смогу заснуть хоть ненадолго.

– И чего, вправду помогает?

– Мне помогает. Тут уж у каждого свои рецепты.

Баба Капа подумала-подумала, прислонила швабру к стене, отодвинула ведро, чтобы никто на него не наткнулся, и с таинственным видом поманила Кравченко за собой.

– Пойдём, милоч, угощу тебя чаем. У меня хороший есть, китайский.

Усмехнувшись той лёгкости, с какой удалось расположить к себе женщину, Юрий Никитич вернул стаканчик на место и направился следом за новой знакомой.

Что может лучше способствовать откровенной беседе, чем совместное чаепитие?..

Спустя десять минут полковник и санитарка сидели в подсобке, среди полок и стеллажей, заставленных картонными коробками с непонятным содержимым, банками со средствами для уборки, пакетами со стиральным порошком и прочей бытовой химией.

Прямо за спиной у Кравченко, усевшегося на стул возле небольшого чайного столика, громоздился стеллаж, где на полках стопками лежало чистое постельное бельё. Баба Капа разливала чай по чашкам с цветочным орнаментом.

– Ты печеньки бери, милоч, угощайся!

– Спасибо большое!

За чаем они обсудили надоевшую жару, врачей и пациентов отделения, методы лечения и новые лекарства. И когда беседа стала странным образом переходить в политическую плоскость, Юрий Никитич поспешил вернуть её на нужную стезю.

– А скажите, Капитолина Трофимовна, в этом санатории вы сами давно работаете?

– Да лет тридцать уже! – заявила баба Капа с гордостью. – Я ж местная, живу по соседству. Работы-то путёвой в нашем посёлке нет, а в город ездить далеко. Вот я и сунулась в санаторий, а меня сразу и приняли. Так и тружусь, считай, всю сознательную жизнь. А что?.. Плотют, конечно, немного, но зато врачи хорошие, к ним всегда за советом или за помощью обратиться можно. Мне вот Ваську, мужа моего непутёвого, Ольга Васильевна от язвы желудка избавила. Добрая она и знающая, от всех болезней вылечит. И мою соседку Варьку лечит от давления. Таблетки, правда, дорогие назначила, зато давление сразу снизилось. Вот какой доктор!

– Да, Ольга Васильевна хороший врач, – кивнул Кравченко, почувствовав, как у него теплеет на душе от этого имени. – А я вот слышал, что у вас в отделении люди умирают. Врут, поди?..

– Ой, не врут, не врут! – Баба Капа оживилась и наклонилась ближе к собеседнику. Видать, не с кем было ей обсудить острую тему. – Тут у нас за последнее время несколько человек померло!

– Несколько даже? – притворно ужаснулся полковник, округлив глаза.

– Трое. Ещё весной мужичок один преставился, потом летом уже одна тётка, потом вторая, – сообщила баба Капа доверительно.

– А от чего они померли? – всем своим видом выражая готовность слушать, поинтересовался Кравченко.

– Вот этого я не знаю. Да и мужика этого плохо помню. А вот Довженку и Виноградову хорошо помню.

– Вы даже фамилии их знаете! – восхитился Юрий Никитич.

– А то как же! Да их и немудрено запомнить. Тётки-то больно вредные были, ко всему придирались. Довженко, та вообще жалобу писать на врачей собиралась: якобы лечат её неправильно. И меня ругала, что полы по старинке мою. Мол, надо химию всякую в ведро добавлять, чтоб с приятным запахом. А то, видите ли, мокрой тряпкой ей воняет! Ясное дело, не сухой же мне полы мыть! А я эту химию терпеть не могу. Чище-то от неё всё равно не становится, а вот руки потом чешутся, а то и язвами покрываются. Нужна мне такая химия?..

– Не нужна! – решительно мотнул головой Кравченко, не давая собеседнице уйти с проторённой тропы. – Так что же Виноградова?.. Тоже на врачей ворчала?..

– Врачей она не трогала, зато из своей семьи всю душу вынула. К ней каждый день кто-то из родственников приезжал, из дома еду привозил, потому как она брезговала обедать в нашей столовой, боялась кишечную инфекцию подхватить. Виданное ли дело – инфекцию! – возмутилась баба Капа так громко, что Кравченко пришлось её одёрнуть, поднеся палец к губам. – У нас тут санэпидстанция всё проверяет так, что ни один микроб не проскочит, – понизила голос старушка. – Да и Валентина со Светланой, поварихи наши поселковые, хорошо готовят, почти по-домашнему. Так что нечего напраслину возводить...

– А что Виноградова? – Юрий Никитич опять потянул назад готовую увлечься новой темой собеседницу.

– Так вот, Виноградова... Сынок её работает, невестка работает, внучка в институте учится, а им, бедным, приходилось мотаться сюда из города каждый день. И попробуй не явись! Старуха то и дело капризничала да истерики закатывала: не то привезли, не так приготовили, не туда посмотрели! Я как-то случайно услышала разговор Виноградовой с внучкой. Бабка и говорит: останешься, мол, в старых девах, потому как жениха привести некуда будет, квартиру-то я на других людей перепишу, собственную семью на бобах оставляю. У девчонки глаза на мокром месте, а возразить не может. В общем, Виноградова наследством своим родных запугивала. Те зубами скрипели, скрипели, а поделать ничего не могли, приходилось терпеть.

– Да-а! – вздохнул полковник. – Невесёлая история.

– А я думаю, повезло родственникам-то! После смерти бабки всё им досталось по закону.

– Так может они её и... того? – неожиданно спросил Кравченко, уставившись на бабу Капу испытующим взглядом.

Женщина побледнела и замахала руками:

– Да бог с тобой! Кто ж такой грех возьмёт на душу? Ты знаешь что, милоч... Чай-то допивай да спать отправляйся. Нехорошо это – ночами бродить. Заведующий отделением узнает – заругается.

Юрий Никитич быстро допил чай, сердечно поблагодарил бабу Капу за угощение и вернулся в свой номер.

Информации к размышлению стало больше.

Полковник снова достал листы бумаги и изобразил на них умерших.

На первый взгляд, совершенно разные женщины. Одну Кравченко представлял себе невысокой, полной, с щекастым лицом и злыми глазками. «Довженко», – подписал он под портретом. Виноградова вышла худой, болезненно бледной, с прищуренными глазами и тонкими губами.

Художник разложил рисунки на тумбочке перед кроватью и долго рассматривал.

Что их объединяет? Скончались с одним диагнозом. Но ведь было у них ещё что-то общее...

Юрий Никитич пригляделся и понял: лица разные, а взгляд один: неприятный, подозрительный, злобный.

Глава 7

Купание

Вероника Марковна прижалась ухом к дверной щели, вслушиваясь в странные звуки, доносящиеся из коридора. Ей не спалось, – впрочем, так часто бывало, и приходилось то браться за книжку, то гулять на балконе.

Но книжка оказалась скучной, а балкона в номере не было. Вот она и решила выйти в коридор и пройтись туда-сюда. Но в коридоре уже кто-то был! До неё донёсся плеск воды и звон от удара металла о металл. Ведро с водой подвинули по полу и уронили ручку ведра?

Мадам Керн приоткрыла дверь чуть пошире и заглянула в образовавшуюся щель. Точно! В конце коридора возилась санитарка баба Капа: пренеприятнейшая, неопрятная деревенская старуха домывала пол. Но рядом с ней обнаружился импозантный седовласый обитатель соседнего номера – Юрий Никитич. Что он там делает?..

Высунув нос из комнаты, Вероника Марковна постаралась напрячь слух, но двое в конце коридора разговаривали тихо, и разобрать ничего не удалось.

А затем баба Капа распахнула перед Кравченко дверь подсобки, и они скрылись в этом странном помещении.

Вероника Марковна высунула голову целиком в коридор, но это не помогло. Она было решила подойти на цыпочках к подсобке и подслушать, чем они там занимаются среди ночи, но коридор был длинный, гулкий. А вдруг кто-то из этих заговорщиков выйдет, а бдительная мадам Керн не успеет убежать оттуда?.. Скандал будет!

Нет, близко подходить нельзя. Но как же хотелось подслушать!.. Что может быть общего между деревенской бабкой, заведующей швабрами и тряпками, и столичным холостяком, приехавшим в санаторий не столько ради поправки здоровья, сколько ради развлечения?

В голове тут же хороводом закружились всякие предположения: Кравченко договаривается с уборщицей, чтобы та молчала, когда он будет по ночам водить дам в свою комнату; или старуха тайно передаёт ему какие-нибудь запрещённые вещества... А-ах! Вероника Марковна зажала себе рот ладонью, чтобы возглас не вырвался наружу. Неужели её сосед по номеру способен на подобные штуки?.. А с виду приличный человек! Какой скандал!

Но всплеск ужаса и возмущения быстро сменился предвкушением чего-то захватывающе-интересного. Старуха Керн обожала скандалы. Когда вокруг кипели страсти и шли боевые действия, она чувствовала себя молодой и сильной. Сердце стучало ровно и уверенно, давление стабилизировалось без всяких таблеток, головокружение и шум в ушах исчезали без следа.

Вероника Марковна вернулась в свой номер, но дверь не закрыла, продолжая прислушиваться. Нет, она не будет спать, просто не сможет уснуть, пока не узнает все тайны этого старого санатория!

А то, что санаторий напоминал набитый тайнами сундук, мадам Керн поняла сразу, едва приехав сюда. У неё был острый нюх на всякие секреты.

Иван завершил сеанс массажа, попрощался с пациентом – грузным пожилым мужчиной – и посмотрел на часы. Время обеда!

Глянув мимоходом на себя в зеркало и пригладив волосы на висках, он вышел из кабинета с твёрдым намерением пригласить на обед загадочную восточную красавицу. Не выходила из головы у него эта девушка...

Но, подходя к кардиологическому корпусу по парковой аллее, парень ещё издали увидел свою мечту. Медсестра уверенным шагом направилась в сторону озера.

Иван, слегка удивившись, последовал за ней.

Переодевшись в кустах на берегу в купальник, Анора пробежала несколько шагов по мелкому, нагретому солнцем песку, почувствовав его тепло, и влетела в воду.

Дыхание перехватило от приятнейшего прикосновения к распаренной жарой коже прохладной влаги. Поднятые вверх брызги окропили лицо, и девушка засмеялась.

Это была свобода!

Не удаляясь от берега, Анора неспешно плавала, любуясь зеркальной водной гладью, отражающей небесную синь и скользящие по ней редкие, пухлые облачка. Как будто плывёшь в перевёрнутом небе!

Разморённый полуденной жарой лес источал сильные хвойные ароматы, от которых кружилась голова. Всё в природе в этот час пробуждало в человеческом организме расслабленность и лень. Вот бы полежать после купания полчаса на тёплом песке, позагорать, блаженно прикрыв глаза и ощущая, как солнечные лучи нежно слизывают с твоей кожи капли влаги...

Иван шагнул на маленький пляж с твёрдым намерением тоже освежиться. Быстро стянув с себя униформу, он вошёл в воду и через пару шагов нырнул, постаравшись сделать это тихо, без всплеска.

Проплыв в глубине несколько метров, Иван вынырнул совсем рядом с девушкой.

– Привет, Анора!

Она вскрикнула, резко повернула голову и увидела знакомого массажиста, похожего на богатыря из русских сказок. От неожиданности в девушке как будто пропала способность к координации движений, и она мгновенно разучилась плавать.

И тут же стала тонуть.

Прохладная озёрная вода сомкнулась над её головой, она даже не успела испугаться, только беспомощно забарахталась. Но сильные руки подхватили и вытащили на поверхность.

– Ты чего, Анора? – спросил Иван, старательно поддерживая девушку на плаву. В его глазах читалась искренняя тревога. – Я тебя напугал?

– Пусти! – вывернулась Анора из его крепкой хватки. – Откуда ты тут взялся?!

Она задыхалась, сердце безумно колотилось. Вода в озере вдруг показалась горячей, как в бане. Усиленно работая ногами и руками, девушка устремилась к берегу, то и дело оглядываясь на своего преследователя.

– Да вот решил искупаться в обеденный перерыв, – пояснил Иван, держась в двух шагах от неё, – и вдруг тебя увидел. Обрадовался.

– Чему тут радоваться?.. Ты ненормальный, напугал меня!

– Ну прости, солнце моё! Я не нарочно.

– Да иди ты!

Анора выбралась на берег, подхватила с песка свои вещи и ринулась в кусты. Ветки нещадно кололись и мешали, но она с невероятной скоростью натягивала прямо на мокрый купальник форменные брюки и жакет, совершенно забыв про полотенце.

Стоя по пояс в воде, Иван с интересом смотрел на странное поведение красавицы-медсестры. Чего она так испугалась?.. Как будто он не коллега по работе, а лох-несское чудовище, внезапно всплывшее из глубины.

– Анора, а давай я найду лодку и покатаю тебя в следующее дежурство по озеру? – предложил Иван. – У меня недавно был один пациент из местных, симпатичный дедок. Он сам меня приглашал половить рыбу с лодки. Так что плавсредство будет, только соглашайся!

Девушка выбралась из кустов полностью одетая и глянула на него с укором:

– Ещё чего не хватало!

– Тебе не нравится кататься на лодке?

– Мне не нравятся навязчивые мужчины!

Анора, в волнении забыв на песке сухое бельё и полотенце, выскочила на тропинку и побежала к своему корпусу, ощущая, как сердце всё ещё трепещет пойманной птахой у самого горла.

Ивану расхотелось купаться, хотя плавать он очень любил.

Он вышел на берег и сел на песок.

– Я не навязчивый, – пробормотал парень, – а настойчивый.

Иван давно не верил в любовь с первого взгляда, и вовсе не потому, что пережил сердечную драму. Нет, никаких проблем с девушками у него не было, наоборот, молоденькие медсёстры и пациентки заглядывались на статного массажиста. Он охотно отвечал на их внимание, но это никак не затрагивало его сердце. Да и некогда было.

Ещё в студенческие годы Иван решил: «Первым делом самолёты, ну а девушки... потом». Вернее, конечно, первым делом – массаж. Парень хотел изучить все тонкости своей профессии, освоить самые редкие и сложные методики. А значит, отвлекаться на личную жизнь не стоило.

Иван и не отвлекался. Так, ни к чему не обязывающие мимолётные романчики, оставляющие в душе лёгкий, воздушный след, быстро тающий, как туман под солнцем.

Но встретив Анору, он как будто попал в другой мир. И небо стало выше, и трава зеленее, и солнце ярче. Строгая красавица ни на минуту не выходила у него из головы. Иван как – то сразу понял, что это его судьба. Он-то понял, вот бы ей кто объяснил...

Настроение испортилось. Неужели он такой страшный, что эта восточная принцесса шарахается от него, точно от прокажённого?

Иван повернул голову и заметил аккуратно сложенные под кустом вещи. Скорее всего, Анора забыла, спеша убежать от него.

* * *

Анора шла по аллее под кронами сосен, постепенно успокаиваясь.

Почему она так испугалась? Ведь этот парень совсем не страшный, наоборот, вполне симпатичный. Да и не сделал ей ничего плохого. Даже вытащил из воды, когда она вдруг начала тонуть.

Девушка остановилась и опустилась на ближайшую скамейку, не выдержав наплыва неприятных воспоминаний.

...Вот она идёт по городским улицам тёмным южным вечером. Жарко. Отчего-то воздух насыщен запахом спелых абрикосов, хотя вдоль улицы растут не абрикосы, а шелковица. Фонари неохотно cedят жидкий жёлтый свет, слегка разбавляя черноту ночи, но даже силуэты домов едва видны. Она слышит цокот своих каблучков, гулко разносящийся по совершенно пустой улице. Поздно закончился киносеанс, подружки быстро разбежались по домам. А Анора живёт дальше всех.

Она шагает, вся под впечатлением от кино, и размахивает сумочкой на длинной золотистой цепочке. На душе легко и хорошо.

Вдруг слух улавливает сзади чужие шаги. Сердце ёкает и начинает биться быстрее.

Шаги приближаются. Она с опаской оглядывается и в свете уличного фонаря видит высокую мужскую фигуру. Это он, Эльбек!

– Эй, куда так спешишь, красотка?! – окликает её.

Анора не отвечает, только ускоряет шаг. Но и преследователь не отстаёт.

Она переходит на бег, прижав сумочку к груди. Эльбек бросается следом.

Она бежит, задыхаясь от страха, а за спиной грохочут тяжёлые шаги ненавистного жениха – Эльбека Бахиржонова, избалованного сынка-мажора богатых родителей, владельцев обширной сети магазинов в их городе.

Ну почему он положил глаз именно на неё?.. Ну почему родители так обрадовались возможности породниться с этой семейкой?.. Ведь Эльбек отвратителен, самоуверен, самовлюблён, нахален.

Она бежит изо всех сил, но преследователь сильнее её и быстрее. Он хватается девушку за плечо и резким движением разворачивает лицом к себе, прижимает к груди. От него неприятно пахнет потом. Анора пытается вырваться.

– Никуда ты не денешься! – шипит ей в ухо Эльбек. – Всё равно будешь моей!

Но она ухитряется наступить каблуком-шпилькой ему на ногу. Парень вскрикивает от боли и неожиданности. Аноре хватает секунды, чтобы вывернуться из его объятий и убежать, скинув на бегу туфли.

В голове пульсирует, сердце грохочет в ушах набатным колоколом, руки и ноги трясутся от страха. Анора сворачивает в тёмный переулок и молнией взбегает по лестнице неприметного старого дома.

Через секунду девушка терзает звонок квартиры на последнем этаже, и тот истерично звенит на одной высокой ноте.

К счастью, дверь распахивается быстро, Анора вваливается в квартиру и без сил опускается на пол. Тёмный коридор наполняют звуки хриплого, прерывистого дыхания.

– Что случилось, птичка моя? – склоняется над ней встревоженная бабушка Хосият с распушенными седыми волосами, в домашнем халате.

Но Анора не может говорить: всё ещё не хватает воздуха. Бабушка помогает ей подняться, отводит в комнату, усаживает на диван. Молча приносит пиалу с водой, протягивает внучке. Девушка пьёт жадно, будто её мучает давняя жажда, и постепенно успокаивается.

– А теперь рассказывай всё по порядку, – говорит бабушка Хосият и смотрит на Анору тёплым, любящим взглядом.

После рассказа о встрече на улице с Эльбеком Бахиржоновым Хосият долго думает, смотрит невидящим взглядом в окно. А потом говорит:

– Надо тебе уезжать, птичка моя. Я имею в виду, не только из города, но и из страны. Родители твои вбили себе в голову, что брак с этим типом необычайно выгоден, совсем не думая о твоём счастье. Бахиржоновы – люди влиятельные в нашем городе. Говорят, у Бахиржоннова-отца есть связи на самом верху. Поэтому, деточка, здесь они тебя из-под земли достанут.

– Куда ж мне ехать? – тихо спрашивает внучка, чувствуя, как внутри возникла и тут же стала расширяться пустота, занимая всё тело.

– В Россию, птичка моя. Я дам тебе денег на первое время.

Хосият роется в ящиках и шкафах, собирая внучке всё необходимое.

– Поедешь в прекрасный город Санкт-Петербург, где я училась в институте. У меня там остались подруги. Кто-нибудь из них обязательно тебе поможет. Какое счастье, что я не послушала твою мать и выучила тебя русскому языку!

Бабушка, как и Анора, была белой вороной в семье Сагдиевых. Но ей было легче, потому что молодость Хосият пришлась ещё на советскую эпоху, когда женщинам не возбранялось учиться, получать профессию и самостоятельно работать.

Юная Хосият уехала в далёкий Ленинград и поступила в педагогический институт, после окончания которого вернулась в родную Бухару и много лет работала учителем русского языка в школе. Она и внучку свою любимую с раннего детства научила, так что девочка свободно говорила на двух языках. Бабушка читала малышке русские народные сказки, а позднее, когда та подросла, заставляла читать Толстого и Достоевского, долго и подробно обсуждая великие книги.

Именно Хосият упростила родителей Анору разрешить девочке получить образование в медицинском училище. А ведь отец с матерью были уверены, что образование дочери совсем ни к чему, достаточно удачно выйти замуж. А при внешности Анору проблем с этим быть

не должно: девочка выросла настоящей красавицей. Однако дочь хотела учиться и выучилась, получила диплом.

– Ничего, птичка моя! – утешает бабушка Анору. – Всё наладится. Вот тебе телефоны моих однокурсниц. Конечно, иных уже нет в живых, времени-то много прошло, многие поменяли место жительства, но наверняка кто-то остался. Всегда надо надеяться на лучшее.

И Анора на следующий же день улетела в далёкую и огромную Россию, где рассчитывала затеряться.

По длинному списку телефонных номеров, полученному от бабушки, ей удалось отыскать только одну сокурсницу Хосият – Надежду Михайловну. Та с радостью приняла гостью, дала ей не только крышу над головой, зарегистрировав у себя, но и помогла устроиться на работу в ближайшую поликлинику. Живя с одинокой, давно овдовевшей Надеждой Михайловной, Анора с радостью ухаживала за старушкой, но работу девушке хотелось найти получше.

Через два года увидела в интернете объявление о вакансии в санатории недалеко от города. А приехав на собеседование, сразу же влюбилась в это прекрасное место. Удивительно, но её, приезжую узбечку, без лишних вопросов приняли на работу медсестрой.

Всё у неё складывалось хорошо в новой стране. Вот только скучала по бабушке.

Родители же вместе с семьёй Бахиржоновых долго искали беглянку, но та как в воду канула. Хосият держалась мужественно, не выдала внучку.

Вскоре страсти улеглись. Особенно после того как Эльбек переключил своё внимание на другую красивую девушку.

...Анора поднялась со скамейки и пошла к кардиологическому корпусу. Обеденное время заканчивалось. Она была благодарна бабушке Хосият за то, что она так изменила её судьбу. Жизнь в новой стране налаживалась.

Вот только мужчинам девушка не доверяла, старательно избегая близких отношений.

У дверей здания Анора столкнулась с пациенткой Керн. Дама в сиреневых кудряшках смерила её удивлённым взглядом и изрекла:

– Ну и видок у вас, милочка!

Девушка опустила взгляд и покраснела: мокрая одежда липла к телу, сквозь тонкую белую ткань отлично просматривался рисунок на купальнике в виде цветов и бабочек.

– Я просто ходила купаться, – зачем-то попыталась оправдаться медсестра.

– Ясно. А ваша начальница, Раиса Ивановна, разрешает вам купаться в рабочее время? – И старуха нахмурила брови.

Не найдя что ответить, Анора постаралась быстрее прошмыгнуть мимо любознательной пациентки. Неужели эта Шапокляк донесёт на неё Раисе?

Надо было срочно переодеться в сухое. Мечась по сестринской в поисках сухого рабочего халата, Анора вдруг вспомнила, что оставила на берегу озера нижнее бельё и полотенце. А если их нашёл этот массажист Иван?.. Ужас!

Надо было срочно бежать к озеру, но обеденный перерыв заканчивался. С минуты на минуту явится Раиса и начнёт к ней цепляться, как обычно.

Девушка вышла из сестринской и застыла в нерешительности у своего поста.

– Ты кое-что забыла, Анора, – неожиданно прозвучало сзади.

Обернулась и столкнулась со взглядом смеющихся голубых глаз. Иван стоял перед ней и протягивал свёрнутое полотенце.

Она схватила свёрток и прижала к груди, прикрывая всё ещё проступающие сквозь влажную ткань форменного жакета цветы и бабочки. По щекам разливался жгучей волной смущённый румянец.

– Переодевайся скорее, – подмигнул ей Иван. – Твоя начальница уже идёт по аллее. Я попробую её задержать на пару минут. А ты не мешкай!

Парень развернулся и решительным шагом направился к выходу.

Анора юркнула в сестринскую. Бросила на диван полотенце, из которого тут же вывалились лифчик и трусики. У неё запылали уши. Нет, она больше никогда в жизни не сможет посмотреть этому Ивану в глаза! Позор страшный...

Но, кажется, он её сегодня спас дважды.

Глава 8

Возвращение домой

Раиса Ивановна Тарасова отперла дверь квартиры и вошла в прихожую. К ней под ноги тут же с радостным воплем ринулся серый полосатый кошак.

– Я дома! – возвестила она громко и наклонилась погладить кота. – Привет, Барсик, привет!

Сняв туфли и зайдя на кухню, чтобы оставить на столе сумку с продуктами, Раиса Ивановна пошла по комнатам, ища кого-то.

В маленькой комнате, «детской», как её называла хозяйка, за письменным столом сидела девушка лет восемнадцати.

– Привет, Алёнушка! Как ты, доченька?

Раиса Ивановна поцеловала девушку в макушку и погладила ее по плечу. Та подняла на мать глаза и улыбнулась бескровными губами.

– Всё хорошо, – тихо, почти шёпотом ответила Алёна, – только тебя долго не было. Я плакала.

Выражение лица её изменилось, будто вспомнив недавнюю грусть. Кожа девушки была бледной и напоминала фарфор императорского фарфорового завода – тонкий, светящийся изнутри. А взгляд стал совсем детским, отчего она сразу напомнила подростка.

– Зачем же плакать, радость моя? Ты же знаешь, что я скоро приду. Да и Барсик с тобой, он тебя охраняет.

Тарасова засуетилась по комнате, раскладывая вещи по местам, убирая книги в книжный шкаф, а брошенные где попало футболки в ящик комода.

Алёна с любопытством наблюдала за ней.

– Я сейчас ужин разогрею, и мы будем кушать, – сообщила ей мать.

Вскоре они мирно ужинали на кухне и разговаривали. На подоконнике сидел Барсик и наблюдал за хозяевами, распушив усы и ритмично помахивая хвостом.

– Ну, какие книжки ты сегодня читала, какие фильмы смотрела? – спрашивала Раиса Ивановна, с умилением на лице и с тоской в груди глядя на дочь.

«Сколько же в ней незрелого, ребячьего, хотя в прошлом месяце отметили восемнадцать. Неужели она так никогда и не повзрослеет?.. Очень хочется надеяться на лучшее...»

После ужина Тарасова выглянула в окно.

– А давай сходим немного погуляем! – предложила она Алёне. – Погода прекрасная. Жара уже спала. Пройдёмся хоть чуть-чуть по двору, подышим свежим воздухом. А то ты совсем бледная без солнышка. Пойдём?..

Раиса Ивановна подошла ближе и заглянула дочери в глаза. Та, немного подумав, кивнула, но во взгляде её появилась растерянность.

– Я буду с тобой рядом, доченька, не отойду ни на шаг, – успокаивала Тарасова, выводя дочку в коридор и помогая ей надеть босоножки.

Девушка задумчиво обводила взглядом вещи в прихожей, позволяя одевать себя, однако сама не участвуя в этом процессе.

Наконец Раиса Ивановна сунула ноги в туфли и щёлкнула замком, открывая дверь.

– Пойдём, доченька, проветримся немного.

На пороге Алёна остановилась и вцепилась в косяк двери. Лицо её исказила гримаса ужаса, и она закричала истошно, будто её резали ножом:

– Нет! Нет, мама! Не-е-е-т!

Из глаз полились слёзы, в уголках губ вспенилась слюна, пальцы рук свело судорогой. Девушка кричала на весь дом и билась в истерике.

Дверь квартиры напротив приоткрылась, и в щель просунулась голова соседки Варвары с бигуди в волосах.

– Хос-с-пади, опять, что ли?.. И когда это кончится? Свезла б ты уж её в больницу, Раиса.

– Тебя спросить забыла! – огрызнулась Тарасова.

Она с трудом оторвала дочкины руки от двери и захлопнула её. Прижала девушку к груди и, приговаривая: «Тихо, тихо, маленькая!», попыталась отвести в комнату.

Алёна вырывалась и продолжала кричать. Испуганный кот забился под кровать. Вместе с криками дочки в голове у Раисы Ивановны гудел набатный колокол, с силой ударяясь то в один висок, то в другой.

Наконец ей удалось уложить Алёну прямо в одежде в постель и укрыть одеялом, сама легла рядом. Продолжая прижимать дочь к груди, женщина ласково гладила её по хрупким плечам и приговаривала:

– Всё хорошо, милая, мы никуда не идём, мы останемся дома. Тут спокойно и безопасно. Вот сейчас к нам Барсик придёт и споёт нашей Алёнушке кошачью песенку. Всё хорошо, всё хорошо. Сейчас мамочка даст тебе лекарство, ты успокоишься и поспишь.

Всхлипы и крики постепенно затухали, девушка перестала вздрагивать и закрыла глаза. После таблетки её быстро сморил сон.

Тарасова ещё долго сидела над спящей дочкой и гладила, гладила её по волосам. По лицу матери тоже текли слёзы.

Чёрт её дёрнул сделать ещё одну попытку! Ну и что, что Алёна уже две недели спокойна, хорошо спит и ест, более-менее адекватно отвечает на вопросы?.. Не надо было её тревожить, не надо! Ну не выходит она из дома уже два года, так ещё столько же может не выходить. Главное, что дома она чувствует себя уверенно и спокойно...

Уже третий психиатр, с которым Тарасова консультировалась по поводу дочери, уговаривал положить её в стационар. Но в памяти Раисы Ивановны ещё со студенческих лет хранились воспоминания о посещении психиатрической лечебницы: решётки на окнах, двери без ручек, открываемые специальным ключом, несчастные больные с отрешёнными взглядами и тонкой ниткой слюны в углу рта...

Нет, никогда её девочка не попадёт в такое жуткое место! Будет пить лекарства и дома. Она же, её мать, сама медсестра, значит, может делать ей уколы. А дома же и стены помогают!

* * *

Врач Сергеев вернулся домой позже обычного. Он ввалился в квартиру и опустил на пол два тяжёлых пакета с продуктами из ближайшего супермаркета.

Ему навстречу в коридор вышла из гостиной тёща – моложавая женщина средних лет в элегантном костюме, с модной стрижкой.

– Явился наконец! – процедила она сквозь зубы. – Почему так поздно?

– В магазин зашёл, – сразу почувствовав вину, попытался оправдаться Пётр Михайлович.

Не успел он снять ботинки, как из комнаты выскочила пятилетняя Алиса.

– Папа пришёл! – воскликнула девочка и засмеялась, подхваченная сильными руками отца и подброшенная к потолку. – Ещё, папа, ещё!

– Прекрати, Алиса! – одёрнула её бабушка. – Нормальные дети так себя не ведут. Иди убери свои игрушки!

– Я потом, – попробовала уклониться от скучной обязанности девочка и крепко обхватила отца за шею.

– Я сказала: сейчас! – скомандовала бабушка. – Быстро убрала свои игрушки!

Малышка недовольно скривилась, но выполнила приказ: чмокнув отца в щёку, поплелась в детскую, опустив голову.

– А где Яна? – поинтересовался Пётр Михайлович, аккуратно убирая свои ботинки на полочку в обувницу.

– Ушла на маникюр. И мне, между прочим, давно пора на встречу с подругой. А я тут по твоей вине время теряю, хотя в няньки не нанималась.

– Спасибо за помощь, Кира Павловна, – поблагодарил зять, подхватил с пола пакеты с покупками и ушёл на кухню.

– Миллион раз говорила: вам нужна няня, чтобы заниматься ребёнком! – донеслось вслед. – Но кое-кто чрезвычайно скуп и скорее удавится, чем потратит деньги на семью.

Пётр Михайлович вздохнул и собрался было что-то ответить, но входная дверь хлопнула, и отец с дочкой остались одни.

Сергеев заглянул под крышки кастрюль, стоящих на плите, убедился, что они пусты (чему, впрочем, не удивился), вынул из холодильника яйца и молоко и стал готовить омлет.

Спустя десять минут они с дочкой ужинали и обсуждали события прошедшего дня.

Потом Алиса уговорила папу посмотреть с ней мультфильм. Расположились у телевизора, пригласив на киносеанс плюшевых медведя и слона.

А потом подошло время ко сну.

– Пошли спать, лисёнок! – позвал Пётр Михайлович из детской, расстелив малышке постель.

Девочка переоделась в пижамку и взяла любимую игрушку – длинноухого зайца.

Пока отец укрывал её одеялом, Алиса спросила:

– Папа, а ты у нас неудачник?

Сергеев удивлённо приподнял брови и замер.

– Нет. С чего ты взяла?

– Бабушка так сказала.

Пётр Михайлович нахмурился. Он прекрасно знал, что не оправдал ожидания тёщи, но зачем ребёнку-то говорить так об отце?..

– Бабушка пошутила, – заверил он девочку, достал книжку и сел на стул рядом с кроватью. – Какую сказку сегодня читаем?

– Про принцессу! – заявила Алиса и зажмурила глазки.

Убедившись, что дочь крепко спит, Сергеев убрал книжку и тихо, на цыпочках, вышел из комнаты, осторожно прикрыв за собой дверь.

На кухне за столом сидела Яна с чашкой чая в руках.

– Я, пожалуй, тоже себе налью, – заявил Пётр Михайлович и взял из сушилki свою кружку.

Налил кипятка из чайника, бросил в него пакетик «Липтона» и уселся за стол напротив жены.

– Яна, чего так поздно? – поинтересовался он. – Разве маникюр занимает четыре часа?

– Нет, не четыре, – отозвалась жена, с довольным видом рассматривая ногти, покрытые замысловатым узором. – На обратном пути встретила подругу, зашли в кафе, посидели, кофе выпили. Чем ты недоволен?..

Яна вскинула красивые, густо подведённые глаза и уставилась на мужа с вызовом.

– Да нет, я всем доволен, – пожал плечами Сергеев. Под взглядом жены он опять почувствовал какую-то вину. – Просто Кира Павловна ворчала, что её опять запрягли в няньки.

– Конечно, ничего удивительного! У мамы своя насыщенная жизнь. Она вовсе не обязана сидеть с нашим ребёнком.

– Это её единственная внучка, – попытался уточнить Сергеев.

– А для тебя это единственная дочь. И я уже несколько лет прошу нанять няню. Но ты упёрся, как упрямый осёл.

Пить чай расхотелось. Эти разговоры об одном и том же периодически возникали между ними и ни к чему не вели, кроме усталости и разочарования.

...Ещё на последнем курсе университета Петя Сергеев, самый симпатичный парень на потоке, женился на дочке профессора кафедры хирургии. Бойкая и цепкая девица взяла его в оборот и быстро довела дело до свадьбы.

Однокурсники ему завидовали: семья богатая, известная в городе, всеми уважаемая, для единственной дочери в ней ничего не пожалеют.

И не пожалели. Подарили на свадьбу квартиру. Тесть обещал устроить Петра в аспирантуру по хирургии, помочь сделать карьеру в научном мире.

Но тут коса нашла на камень. Зять не хотел заниматься ни хирургией, ни наукой, ссылаясь на отсутствие научного мышления. Пете была по душе кардиология, ему нравилось возиться с пациентами, подбирая им необходимое лечение, титровать дозы лекарственных препаратов, вести долгие, душевные беседы и радоваться успехам, выписывая человека из больницы.

Сам Сергеев вырос в небольшом провинциальном городке. Мать воспитывала его одна: отец рано умер. Пётр очень любил маму и всеми силами старался оправдать её ожидания. А та мечтала, чтобы сын стал врачом и лечил людей, как её мама, Петина бабушка. Пётр учился хорошо, школу окончил с серебряной медалью, сразу поступил в медицинский в Петербурге.

На свадьбе мать чувствовала себя не в своей тарелке, сидела в сторонке, ни с кем не общалась. Да и хозяйева – семья невесты – не стремились к общению с новоявленной родственницей. У Петра сердце тоскливо сжималось, видя застывшую в тёмном уголке женщину с печальным лицом.

– Мам, ты чего грустишь? – спросил он тогда.

И её ответ навсегда запал в душу:

– Трудно тебе будет с Яной. Непростой она человек. Ты же у меня бесхитростный, открытый, прямой. Разные вы...

Тогда Пётр не поверил матери – просто не хотел. Душа, воспитанная на русской классической литературе, мечтала о счастливой любви до гроба.

Но мама оказалась права.

То, что он и принцесса Яна – люди несовместимые, Пётр понял очень быстро. Петя был скромен, неприхотлив, умел радоваться обыденным мелочам.

А вот Яна оказалась максималисткой. Ей недостаточно было слова «хорошо», надо было обязательно «всем на зависть». Барышня любила строить невероятные планы, при этом сама даже не пыталась пальцем пошевелить, чтобы их осуществить. Ждала решительных действий от окружающих, искренне считая себя достойной лучшей жизни.

Осознав полное взаимное непонимание, Пётр загрустил. Радужная мечта о любви до гроба лопнула, как мыльный пузырь. Но отступать было поздно. Всего через год после свадьбы родилась Алиска. А в дочке Сергеев души не чаял.

– Яна, ты же знаешь... Если нанять няню, то моей зарплаты нам на еду не хватит. Я и так стараюсь брать дополнительные дежурства, работаю в праздники и выходные. Но оклад кардиолога без особых заслуг не такой большой.

– А кто мешает поменять работу? Папа давно предлагает тебе уйти в кардиохирургию, защитить диссертацию. Он бы помог устроиться в хороший медицинский центр. У него связи. Но нет, ты не желаешь ничего менять. Тебя устраивает прозябание в этой дыре! Мне друзьям признаться стыдно, что мой муж – кардиолог в заштатном санатории.

– Чего ж тут позорного? – удивился Сергеев. – Разве стыдно быть просто хорошим врачом?

– Увы, дорогой, это не приносит особых доходов. А ребёнку нужна няня!

– Ребёнку мать нужна. Но ты предпочитаешь ходить по салонам красоты и встречаться с бесконечными подругами, а не заниматься домом и дочерью.

Глаза Яны вспыхнули возмущением:

– Я тебя с самого начала предупреждала, что не собираюсь становиться домохозяйкой. А тебе лишь бы усадить меня дома и приковать к кухонной плите!

– Что ты говоришь глупости?.. Это неправда! – возразил Пётр Михайлович. – Если ты так не хочешь заниматься домом и ребёнком, тогда устройся на работу. Двух зарплат нам на няню хватит. Зачем надо было учиться шесть лет и получать диплом врача?..

– Ты с ума сошёл?! – взвизгнула Яна и вскочила со стула. Щёки её полыхнули румянцем, будто ей предложили пойти на панель. – Знаешь, дорогой, я иногда думаю, что мне проще мужа сменить. Но тогда не обессудь: дочку ты уже не увидишь.

Яна со звоном опустила чашку на стол и быстро ушла в комнату.

Сергеев облокотился о столешницу и уронил лицо в ладони.

В профессорской семье он всегда чувствовал себя инородным телом, лишним, ненужным. Под взглядами тёщи и жены в душе появлялось чувство вины, хотя умом понимал, что он ни в чём не виноват. Разве можно быть виноватым в том, что не такой, каким хотят тебя видеть другие?..

Но настаивать на своём Пётр Михайлович не умел. Сил хватало только на то, чтобы держаться за любимую работу.

Семья сохраняла лишь видимость, давно разрушившись изнутри. Сергеев готов был развестись, даже хотел этого, но не готов был потерять Алису.

Однако сможет ли он бороться с такими монстрами, как его тесть и тёща? Пётр Михайлович сильно сомневался – просто потому, что был слаб.

Сергеев сидел на кухне до глубокой ночи, уставившись в тёмное окно невидящим взглядом.

Глава 9

Компот из свежих ягод

Ольга Васильевна Коняшкина шла по парку в сторону выхода с территории санатория. А территория эта заканчивалась автостоянкой, где оставляли свои машины посетители и сотрудники санатория.

Она уже была в десяти шагах от ворот, когда её окликнул женский голос:

– Оля! Ты опять от меня убегаешь?

Коняшкина остановилась и обернулась. Из распахнутой дверцы голубого «Рено» на неё с усмешкой смотрела Юлия Сидельникова.

– Ой, Юленька, милая, – всплеснула руками Ольга Васильевна, – прости меня, пожалуйста! В тот день маме стало плохо, давление подскочило. Мне пришлось всё бросить и поехать к ней. Я забыла тебя предупредить.

– Ничего страшного, – милостиво кивнула Юлия. – Садись, подруга, подвезу с ветерком.

Коняшкина засуетилась, чувствуя неловкость перед старой подругой, долго не могла открыть дверь машины. Наконец уселась на переднее сиденье и с облегчением вздохнула.

– Вообще-то я тут совсем рядом живу, в посёлке, – сказала она. – У меня там служебная квартира.

– Серьёзно? – подняла брови Сидельникова. – Очень удобно. Но жаль, я всё-таки надеялась поболтать с тобой по старой дружбе. Опять не получится...

– Можем зайти ко мне. Я тебя компотом из свежих ягод угощу, из холодильника.

– Из холодильника?... Ладно, против такого предложения устоять не могу, тем более эта жара уже всех достала. Спасибо, что у меня в машине кондиционер.

Автоледи завела мотор, и машина плавно тронулась.

Вскоре «Рено» свернул на узкую поселковую улочку и остановился возле деревянного двухэтажного дома с резными наличниками на окнах. Свежая зелёная краска покрывала стены и старательно маскировала откровенную старость постройки.

Вошли внутрь. Юлия с интересом рассматривала низкие потолки, узкие темноватые комнаты. Остановилась возле старинной дровяной плиты и с удивлением уставилась на неё. Впрочем, этот экземпляр ещё советского деревенского быта хозяйкой не использовался. На столе рядом стояла вполне современная двухконфорочная газовая плитка.

Печь-голландку гостя обошла вокруг и осторожно погладила ладонью кафельный белый бок.

– Ты её топишь зимой? – спросила она.

– Конечно, – ответила из кухни хозяйка, доставая из холодильника кастрюлю с обещанным компотом. – На электрических радиаторах в мороз не прожить, приходится подтапливать дровами. Печка хоть и старая, но хорошая, тепло долго держит.

Ольга Васильевна даже покраснела от смущения за своё малокомфортное жильё.

Она принесла стеклянный кувшин и высокие стаканы на подносе. Поставила всё на стол и стала разливать компот.

Юлия расположилась на старом диване, выпирающие пружины которого были аккуратно прикрыты клетчатым пледом.

– Ну рассказывай, подруга... Как живёшь? – Она взяла стакан с малиново-красным содержимым и с удовольствием отпила глоток.

– Да вот так и живу. На неделе ночью здесь, а в выходные уезжаю к маме в город.

– Как твоя матушка поживает? Её, кажется, Алевтиной Васильевной зовут?

– Алевтиной Борисовной, – поправила Коняшкина, мысленно удивившись памяти подруги. – Неужели ты её помнишь?

– Трудно забыть твою выдающуюся мамочку, – хмыкнула Юлия, ставя полупустой стакан на стол. – Она произвела на всех нас в студенческие годы большое впечатление. Помнишь, как мы всей группой скинулись и подарили тебе на день рождения набор косметики? Ты попыталась накраситься, когда мы собрались на танцы, но мама твоя так воспротивилась, что... Я думала, она тебя убьёт.

Обе женщины погрузились в воспоминания.

...После развода мать запретила отцу встречаться с дочерью. Маленькая Оля тогда никак не могла понять, почему её любимый папа больше не приходит к ней, не забирает из садика, не водит гулять в парк на аттракционы. Она думала, что совершила что-то плохое, раз папа так обиделся на неё, но никак не могла понять – что именно?..

Однажды папа всё-таки пришёл в детский сад в середине дня и при всех подарил Оле чудесную куклу в розовом платье, с шелковым бантом в светлых кудряшках. Девочка давно мечтала именно о такой! Все ребята в садике восхищались подарком. Оля думала, что и мама восхитится. Но та только поджала губы, прошептала: «Не нужны нам его подачки!» – и... выбросила куклу в мусорный бак, попавшийся им по дороге домой.

Мама работала инженером в каком-то научном институте. Во времена перестройки этот НИИ уже дышал на ладан, и в начале 90-х тихо угас, обанкротившись.

Все сотрудники оказались на улице.

Гордая и упрямая мама не принимала алименты от отца, а денег не хватало даже на нормальное питание. В стране всё разваливалось, найти приличную работу было практически невозможно, а на «неприличную», например, на рынке, Алевтина Борисовна никогда бы не согласилась. Ей было проще голодать вместе с ребёнком, но не унизиться до презренного занятия торговлей.

Оля, поступив в медицинский институт, сразу стала подрабатывать санитаркой в больнице. Но деньги платили мизерные, да и времени из-за учёбы не хватало. Всё-таки первый курс в медицинском институте очень загружен зубрёжкой!

Она стеснялась своей внешности, старой, давно вышедшей из моды одежды. Ещё счастье, что студенты-медики в институте ходят в белых халатах: не видны выцветшая от многочисленных стирок кофточка и юбка, перешитая из маминой.

Но молодость брала своё! Девочки из группы звали Олю на танцы, на празднование дней рождения в общежитие, за город. Оля с радостью откликалась на предложения весёлой студенческой компании.

Вот только отпроситься у мамы было сложно.

Алевтина Борисовна убеждала дочь, что все эти гулянки добром не кончатся, что у парней «только одно на уме». И если Ольга «принесёт в подоле», то она выгонит её из дома.

Эпизод, о котором вспомнила Юлия, случился накануне Нового года. Девчонки-одногруппницы так любили скромницу Коняшкину, так сочувствовали ей из-за строгости матушки, что однажды собрали деньги, купили шикарный набор косметики и подарили ей.

Оля с нескрываемым восторгом рассматривала и перебирала разноцветные коробочки с румянами, тенями и пудрой, отвинчивала крышечки и подносила к носу тюбики с тональным кремом и тушью для ресниц. Это были настоящие сокровища!

Она старательно прятала от мамы подарок и краситься в её присутствии боялась.

Приглашение подруг пойти на новогодний вечер и потанцевать от души заставило девушку решиться на макияж. Она подгадала время, когда матери не будет дома, вытащила из шкафа единственное приличное платье и накрасилась.

Оля наносила тушь осторожными, робкими движениями и удивлялась, глядя в зеркало: оказывается, у неё большие глаза! Лёгкий мазок кисточкой оставил тонкий слой румян на скулах. Голубые тени подчеркнули цвет глаз.

Процесс преображения был уже на завершающей стадии, когда дверь квартиры распахнулась и явилась мать. У Оли всё внутри сжалось! Надо было срочно убегать, пока мама не рассмотрела на её лице косметику.

Девушка уже застёгивала пальто в коридоре, когда вышедшая из кухни Алевтина Борисовна задала ожидаемый вопрос:

– Куда это ты собралась?

– Погулять с девочками, – пропищала срывающимся от страха голосом Оля.

– А что это у тебя с лицом?!

– Ничего... Мам, мне пора. Меня девчонки у парадной ждут.

Оля попыталась проскользнуть мимо матери, но та схватила её за рукав и повернула к себе лицом. Щёки Алевтины Борисовны тут же побелели от гнева.

– Морду накарсила?! – взревела она на весь дом. – Как девка гуляющая выглядишь! Решила по мужикам пойти?! Не смей! Не пущу!

Алевтина Борисовна хватала дочь за руки, пытаясь остановить, но та вырвалась, распахнула дверь квартиры и выскочила на лестничную площадку. Через секунду торопливые Олины шаги зазвучали под гулкими сводами подъезда.

Но разгневанная мать не желала сдаваться. Свесившись через перила в лестничный пролёт, она кричала вслед:

– Дура! Ты же уродина, тебе никакая косметика не поможет! Пойдёшь по рукам – проклянущу! Немедленно вернись, шлюха!

Оля выскочила из подъезда на улицу. Тяжёлая железная дверь захлопнулась за спиной, оборвав материнские вопли. Девушку трясло. В глазах закипали горячие слёзы, руки мелко дрожали.

Навстречу по улице как раз шли студентки-одногруппницы.

– Оль, ты чего? – удивилась её виду Юлька Сидельникова. – За тобой как будто маньяк гнался.

– Не маньяк, – заикаясь, ответила Оля, – а мама. Она не хотела меня отпускать.

– Ну и мамочка! – хором засмеялись девчонки. – К чему такие строгости? Мы ведь уже взрослые!

Подхватили подругу под руки с обеих сторон и повели к автобусной остановке, подсмеиваясь над суровой мамашей.

Но праздник для Оли уже был испорчен. В её голове заезженной пластинкой звучал мамин голос: «Ты же уродина! Тебе никакая косметика не поможет!»

С тех пор Ольга Коняшкина никогда не пользовалась ни пудрой, ни тушью, ни даже губной помадой. А зачем деньги тратить? Всё равно бесполезно.

... – Как твой муж себя чувствует? – сменила тему разговора хозяйка.

Воспоминания были не самыми приятными, хотелось отвлечься.

– Почти здоров! – ответила Юлия. – Через два дня выписывают.

– Это замечательно! Поздравляю.

– Да, спасибо врачам, поставили моего Сашу на ноги. А твой-то супруг как? Его, кажется, Толиком зовут?

Юля, допив компот, поставила стакан на стол и с любопытством уставилась на подругу. Но, к её удивлению, глаза Коняшкиной забегали, щёки покрыл румянец.

– Нет никакого Толика, – тихо отозвалась она.

Юлия уловила в её интонации виноватые нотки.

– Как это – нет?

– Мы давно развелись.

– Во те на! – Сидельникова даже встала от неожиданности и заходила по комнате, поскрипывая деревянными половицами.

В памяти всплыла долговязая, угловатая фигура Анатолия в великоватом ему свадебном костюме. Парень не был красив, даже симпатичным его трудно было назвать. Но карие глаза светились добротой, а на губах то и дело вспыхивала настолько солнечная улыбка, что оценивать его внешность совсем не хотелось. Да и смотрел он на невесту с такой любовью и нежностью, что сразу было ясно: Оля и Толик созданы друг для друга.

– Он же так был в тебя влюблён! А на свадьбе вы казались прекрасной парой. Я была уверена, что уж вы-то с ним будете вместе всю жизнь!

– Ты ошиблась. Всё оказалось совсем не так. Мы развелись через три года.

– А дети?.. Дети есть?

– Нет, – грустно покачала головой Ольга Васильевна. – Детьми обзавестись не успели.

Юлия подседа поближе и спросила:

– А что случилось-то? Расскажи!

Но Коняшкина только зябко пожала плечами, словно ей вдруг стало холодно, и покачала головой.

– Нечего рассказывать, Юленька. Всё очень банально: не сошлись характерами, быт заел. Вот и разбежались в разные стороны.

Поняв, что подруга не желает ворошить прошлое, Сидельникова засобиралась домой.

– Ну ладно, дорогая, мне пора. Завтра дочка из отпуска возвращается с компанией друзей, на море ездили. Надо обед приготовить, встретить ребёнка как следует. Да и мужа скоро выписывают. Дел куча!

Юлия направилась к выходу.

– Спасибо за компот! В такую жару самое то.

Женщины на секунду замерли перед входной дверью, глядя друг на друга.

– Ну, ещё увидимся! – улыбнулась Сидельникова. – Я теперь знаю, где ты работаешь. Может, как-нибудь заеду навестить.

– Заезжай, буду рада!

Старые подруги тепло обнялись.

Закрывая дверь за сокурсницей, Ольга поморщилась: эта встреча разбредила незаживающую рану в душе. Теперь всю ночь не уснёт от навязчивых воспоминаний.

Глава 10

Эльф

Юрий Никитич стоял перед этюдником и наносил аккуратные мазки акварели на белый лист ватмана.

Под его рукой быстро возникала уходящая вдаль сосновая аллея. На песчаной дорожке между деревьями тени от сосновых ветвей переплетались с пятнами солнца, создавая завораживающе красивый узор.

– Ах, какая прелесть! – донеслось за спиной, и художник быстро обернулся.

Перед ним стояла невысокая, хрупкая девушка лет двадцати и улыбалась, рассматривая его работу. Белые волосы, очень бледная кожа, прозрачные голубые глаза и воздушное светлое платье делали незнакомку похожей на эльфа, только без крылышек.

– Вам нравится? – поинтересовался Кравченко.

– Очень! – с искренним восхищением воскликнула незнакомка и протянула ему узкую ладошку. – Меня Лизой зовут. А вас?

– Юрий Никитич, – представился Кравченко и улыбнулся, осторожно пожимая руку девушки. – Откуда вы здесь, прелестное дитя?

– Я лечусь в кардиологии со вчерашнего дня.

– Так вы новенькая?

– Совершенно новенькая! – засмеялась Лиза так радостно и задорно, что полковнику тоже захотелось смеяться. – Здесь так прекрасно! Вы не находите?

– Согласен с вами, – кивнул Кравченко. – Вот и пытаюсь по мере сил запечатлеть эту красоту на бумаге.

– У вас получается. А подáрите мне какой-нибудь из ваших рисунков?

– С удовольствием подарю.

– Тогда до встречи!

Размахивая руками и пританцовывая, новая знакомая поспешила вперёд по сосновой аллее в сторону озера, а Юрий Никитич застыл с кистью в руке, раздумывая: не запечатлеть ли этого эльфа, порхающего между деревьями?.. Это оживило бы его картину. Даже почудилось, что от присутствия этой девушки вокруг прибавилось солнца, а воздух стал насыщенным цветочными ароматами. И правда – эльф!

– Успели познакомиться с новой пациенткой Сергеева? – проскрипел сзади знакомый голос.

– Доброе утро, Вероника Марковна, – поздоровался Кравченко. – Лиза тоже лечится у Петра Михайловича?

– Да. Только не знала, что её Лизой зовут. Со мной она знакомиться не спешит, хотя её номер напротив.

Керн поправила на голове старомодную соломенную шляпку и заложила руки за спину, покачиваясь с пятки на носок и изучая рисунок на мольберте.

– У неё врожденный порок сердца, из-за которого она всю жизнь на инвалидности. А тут её прооперировали. И теперь есть вероятность, что инвалидность снимут. А у девчонки ни образования, ни профессии.

– Ну, какие её годы! – воскликнул Кравченко и поболтал кисточкой в банке с водой, смывая краску. – Она ещё такая юная, что всё успеет: и образование получить, и профессию соответственно. А откуда вы знаете, если лично с ней не знакомы?

Пожилая дама хихикнула и состроила загадочную гримасу:

– А я, дорогой мой Юрий Никитич, умею слушать и наблюдать.

– Это самые необходимые качества для настоящего сыщика! – отвесил полковник комплимент, в душе досадуя, что Керн отвлекает его от работы.

– Да. Я всю жизнь жалела, что не пошла в разведчики. У меня бы получилось!

Кравченко не сдержал усмешки.

– Да вы у нас Штирлиц в юбке?..

– Зря смеётесь, Юрий Никитич! – зыркнула на него мадам Керн и, вытащив из кармана пластмассовый веер, стала им обмахиваться. – Вот вы, например, знаете, что в санатории орудует маньяк-убийца?

Вероника Марковна с вызовом уставилась на художника, а тот чуть не выронил кисть.

– Маньяк-убийца? – переспросил Кравченко, опешивший от такого заявления. – С чего вы взяли?..

– С того, что в последнее время в санатории один за другим самым таинственным образом умирают пациенты. Уже три жертвы маньяка!

Холодные голубые глазки Вероники Марковны торжествующе сверкнули из-под полей соломенной шляпки, а веер в руке на минуту замер.

– Ну, здесь всё-таки находятся не совсем здоровые люди, – попытался возразить Юрий Никитич, рассеянно опустив кисть в банку с водой. Этот разговор отвлек его. Рисовать больше не хотелось. – Смерти иногда случаются. При чём здесь маньяк?

– Смерти, конечно, везде случаются, даже в санатории, но не три же подряд! Все жертвы лечились в кардиологическом отделении и скончались внезапно, скоропостижно.

Мадам Керн подкрепляла свои аргументы ритмичным похлопыванием сложенного веера по ладони. Возникающий при этом щелкающий звук, ввинчивался в висок полковника, как шуруп.

– По-вашему, скоропостижная смерть обязательно указывает на маньяка?

– Вовсе нет. На маньяка указывает то, что все скончавшиеся заслуживали смерти и как нельзя вовремя преставились.

Вконец растерявшийся Кравченко потряс головой и отошёл от этюдника, совсем позабыв про начатую картину. Неужели у него нашёлся неожиданный помощник, способный помочь разобраться во всей этой странной истории?..

– Вероника Марковна, откуда вы всё это знаете?

Он пристально, с интересом посмотрел на собеседницу. Под его взглядом дама расправила плечи, снисходительно улыбнулась и поправила выбившиеся из-под шляпки сиреневые кудряшки.

– Слухами земля полнится! Просто надо уметь разговорить кого надо. Про первую жертву ничего сказать не могу: какой-то мутный мужик. А вот две женщины – одна умерла в июне, а вторая совсем недавно – отличались на редкость мерзким характером. Терроризировали своих близких и вообще окружающих со страшной силой. За это их маньяк и уколошил.

Глагол «уколошил» привёл полковника в чувство, и он нервно рассмеялся, чем возмутил старушку.

– Это вам маньяк по секрету рассказал?

– Зря смеётесь, Юрий Никитич! Я пока не знаю кто этот маньяк, но абсолютно уверена, что он где-то рядом и незаметно травит своих жертв. – Вероника Марковна, вытянув руку со сложенным веером, сделала рукой полукруг, как бы указывая, где может находится таинственный убийца. – Я это кожей чувствую! А вы разве не улавливаете в воздухе запах надвигающейся беды? – Старуха бросила на Кравченко пронзительный взгляд, с хлопком раскрыла веер и помахала им перед его лицом. – А вы примувайтесь, примувайтесь, авось почувствуете. Впрочем, вряд ли. Вам больше нравится малевать картинки и кокетничать с молоденькими пациентками...

Мадам Керн резко повернулась на каблуках и строевым шагом отправилась к кардиологическому корпусу, оставив Юрия Никитича пребывать в растерянности.

Она два дня следила за соседом после ночной истории в коридоре, стараясь делать это незаметно. Но ничего интересного узнать не удалось. Кравченко ходил на процедуры, в столовую, а свободное время проводил за мольбертом, малюя свои пейзажики. Удавалось это ему плохо, так, на уровне художественной школы. Не Шишкин и не Левитан точно.

Поняв, что никакой скандальной истории о соседе узнать не получится, Вероника Марковна переключилась на других.

Весьма интересной ей показалась старшая медсестра Тарасова. Рыжая бестия, как назвала её про себя Керн, дышала злобой, особенно в отношении медсестры-узбечки. Что они не поделили? Это было интересно разведать.

Впрочем, ей было наплевать на причину конфликта. Главное, что здесь пахло потенциальным скандалом. А скандалы Вероника Марковна очень любила и готова была приложить некоторые усилия, чтобы помочь любому инциденту разгореться.

А иначе зачем она приехала в санаторий? Не лечиться же, в самом деле!

Лиза Игнатьева шла по аллее и с удовольствием вдыхала смолистый воздух летнего парка. Было очень жарко, но в тени высоких сосен слабый ветерок скрадывал духоту. Ей хотелось обойти скорей весь парк, заглянуть в каждый его уголок, выйти к озеру.

Чудное место этот санаторий! Как здорово, что её направили сюда на долечивание.

У куста сирени Лиза замерла, затаив дыхание: в знойном воздухе над зелёной листвой танцевали два голубых мотылька, их крылышки сверкали на солнце.

Девушка протянула руку, но мотыльки тут же улетели, оставив в душе лёгкое разочарование.

– Лиза, что вы здесь делаете? – послышался строгий голос за спиной.

Девушка обернулась. К ней подходил Пётр Михайлович, её лечащий врач.

– Гуляю, – честно призналась Лиза.

– На улице такая жара, духота. Вам может стать плохо, Лиза. Не стоит рисковать, вы ещё не совсем здоровы.

Пётр Михайлович смотрел на неё, сурово сдвинув брови, но в глазах было столько доброты и беспокойства, что девушка засмеялась:

– Ну что вы, доктор! Я уже чувствую себя хорошо. Я почти здорова. И вовсе не так жарко на улице. Я хотела сходить на озеро. А у воды же не бывает душно.

Сергеев недовольно покачал головой:

– Я прекрасно вас понимаю, Лиза. Вы большую часть жизни провели в клиниках, не имели возможности даже погулять, как все здоровые дети. А тут такое место прекрасное, свежий воздух... Но давайте я вас лучше провожу к озеру. Мне так спокойнее будет.

Девушка улыбнулась и кивнула.

Пётр Михайлович взял её под руку и повёл в сторону тропы, ныряющей в кусты бузины и боярышника.

Новая пациентка беспокоила его. Лизе Игнатьевой был двадцать один год, но выглядела она моложе, что характерно для долго болеющих людей. Родившись с тяжёлым пороком сердца, девочка росла с мыслью о том, что любой день её жизни может оказаться последним. В то время не было возможности прооперировать или вылечить такое заболевание. Лиза не могла гулять вместе с другими детьми, не могла ходить в школу, несколько месяцев в году проводила в стационаре, получая капельницы и уколы. Врачи считали чудом, что она с таким пороком дотянула до двадцати лет.

Но наука не стоит на месте. Нашёлся кардиохирург, взявшийся прооперировать Лизу по новой экспериментальной методике. Никто не давал никаких гарантий. Девушка вполне могла умереть на операционном столе. Но она согласилась, веря в успех.

Видимо, удача была на стороне Лизы. Операция прошла успешно, и теперь перед юной пациенткой разворачивалась перспектива долгой, здоровой, полноценной жизни.

Лиза так радовалась, просто светила от счастья, что в душе Сергеева разливалось что-то тёплое и мягкое. Ему нравилось просто смотреть на её счастливое, восторженное личико, слушать звонкий голосок.

– Поймите, Лиза, ваше сердце теперь должно адаптироваться к полноценной жизни, приспособиться. А это займёт не один месяц. Не спешите, не форсируйте события. Всё будет хорошо! Со временем вы сможете бегать, долго гулять, ездить в путешествия, не боясь в любой момент потерять сознание. Наберитесь терпения, постепенно увеличивайте нагрузки.

– Ах, дорогой доктор! – воскликнула Лиза, прижимаясь к плечу Петра Михайловича и уворачиваясь от разлапистой ветки поперёк тропы. – Я и не тороплюсь. Я просто живу! И наслаждаюсь каждым мгновением!

Они вышли на берег озера и замерли в немом восторге. Их взору предстала величественная картина, созданная самой природой.

По синему зеркалу воды плыли царственные облака. Солнце золотило лучами их мягкие, округлые бока. Зелёные великаны – ели и сосны – сторожили лесную тишину. Лёгкий ветерок шелестел таинственно в густых кронах.

– Господи, какая красота! – выдохнула Лиза и ещё теснее прижалась к своему спутнику.

Сергеев понимал, что девушка льнёт к нему совершенно инстинктивно, как неуверенный в себе ребёнок ищет поддержки у сильного взрослого. Но её фигурка была такой тонкой и хрупкой, что невольно хотелось оберегать Лизу, защищать от всех опасностей мира. И он стоял неподвижно, опасаясь даже дышать глубоко, чтобы не спугнуть это волшебное мгновение.

Молодой врач вдруг с удивительной ясностью понял, что дать шанс жить вот этой чудной девочке – и есть счастье! Жизнь, любая жизнь – это чудо. И быть причастным к спасению чьей-то жизни – величайшая радость. Ни обладание большими деньгами, ни власть, ни слава не могут с этим сравниться. По крайней мере, для него, доктора Сергеева, это было так. И наплевать, что Яна и её семейка не разделяют это убеждение!..

Вспомнив о жене, Пётр Михайлович нахмурился. Умиротворённое состояние, навеянное окружающей красотой и присутствием Лизы, мгновенно улетучилось.

– Пойдёмте-ка обратно, – предложил он и, держа девушку за руку, потянул назад, на петляющую между кустами тропинку.

Глава 11

Акварель

Кравченко остановил в коридоре доктора Коняшкину и протянул ей картину.

– Ольга Васильевна, я обещал вам подарить... Как вам этот пейзаж?

Его лечащий врач с интересом уставилась на акварель.

– Да это же наше озеро! Очень похоже.

– Вам нравится?

– Конечно!

Женщина обрадовалась. Лицо её осветила такая искренняя улыбка, что на миг оно стало почти красивым. Полковнику захотелось каждый день дарить Ольге Васильевне свои работы, чтобы та почаще улыбалась.

– В общем, дарю! Хорошо бы поместить в рамку и повесить на стену. Но, к сожалению, рамку мне взять негде.

– Ничего страшного! – отмахнулась Коняшкина. – Мы повесим её на стену и безо всяких рамок.

Она повернулась и, держа в вытянутых руках акварель, поспешила в ординаторскую. Кравченко отправился следом.

Полковник ещё ни разу не был в помещении, где работали все местные врачи.

Ординаторская представляла собой просторную комнату, заставленную письменными столами. На столах лежали истории болезней пациентов, бланки анализов, ручки и карандаши. Только на одном из столов поблескивал монитор компьютера. Не хватало оргтехники в санатории! В углу громоздились два массивных шкафа для одежды. У окна на тумбочке скромно притулился электрический чайник и стояли несколько разномастных чашек.

Ольга Васильевна порылась в ящике своего стола и вытащила рулон прозрачного скотча.

– Повесим на самом видном месте, чтобы все могли любоваться!

– Давайте помогу, – предложил Юрий Никитич. Он вытащил из стоящего на столе органайзера ножницы и стал разматывать клейкую ленту. – Вот решил, выйдя в отставку, вспомнить детское увлечение. Я закончил художественную школу. И в обычной школе классная руководительница всегда поручала мне делать стенгазету.

Вдвоём они быстро прикрепили к покрытой масляной краской стене картину и отошли на пару шагов, оценивая свою работу.

– Боже мой! – всплеснула руками врач. – Как же я завидую таким талантливым людям, как вы! Это такое счастье – уметь рисовать, писать стихи или петь и играть на гитаре.

– А вы сами, Ольга Васильевна, случайно, стихи не пишете? – поинтересовался Кравченко, наблюдая за искренним восторгом женщины.

– Что вы! Я даже петь не умею. Мне не то что медведь, мне мамонт на ухо наступил.

– Вы слишком строги к себе.

– Нет-нет, честное слово. Я от природы лишена всяких способностей, даже самых незначительных. Такой уж я человек, – Коняшкина виновато улыбнулась, как будто опасаясь разочаровать собеседника.

– Ну, один талант у вас точно есть! – возразил полковник. – Вы прекрасный врач.

– Спасибо... – Женщина потупилась, а щеки её залил очаровательный румянец. – Очень приятно слышать такие слова от пациента.

– А скажите, Ольга Васильевна, почему вы решили стать врачом? – поинтересовался Кравченко, тайком любуясь раздумывавшей женщиной. Было в ней что-то невероятно чистое и настоящее.

– О, это очень давняя история! – махнула рукой собеседница.

Но Юрий Никитич не собирался отступать.

– Что-то из детства?

– Да, вы угадали. Однажды, когда мне было лет семь или восемь, я попала в инфекционную больницу. Меня поместили в специальный бокс с белыми кафельными стенами, железной кроватью и огромным, почти во всю стену, прозрачным стеклом, открывающим вид в больничный коридор. В этом странном помещении я чувствовала себя очень одиноко. Без мамы, без близких и знакомых такому маленькому ребёнку трудно и страшно.

Лицо Ольги Васильевны стало задумчивым, взгляд погрузился в прошлое.

– Но мне повезло с врачом! – продолжала она. – Лечила меня пожилая, очень добрая женщина. Я уже не помню её имени, но до сих пор в душе осталось ощущение тепла и покоя. Она приходила, осматривала меня и всё время хвалила: я молодец, потому что температура снизилась, я настоящая умница, потому что сыпь на коже стала пропадать, я прекрасная девочка, потому что горло уже не такое красное. От этих слов я будто наливалась силой и уверенностью в себе. И болезнь, представлявшаяся мне неким невидимым существом, забравшимся в меня и наводившим в моём теле свои порядки, уже не казалась такой страшной. Наоборот! Я чувствовала, что могу её победить. В общем, когда меня выписывали, я уже была уверена, что вырасту и стану врачом.

Коняшкина улыбнулась, а Юрий Никитич в очередной раз удивился, как преображает её улыбка. Просто чудо!

– Вам нравится помогать людям, – сказал он.

– Да! Именно помогать людям! – воодушевилась женщина. – Это самое главное!

– Помогать – это тоже талант, – констатировал Кравченко.

Ольга Васильевна пожала круглыми плечами.

– Нет, не думаю. Этак вы любой профессионализм назовёте талантом. А ведь за профессионализмом стоят скорее упорство, настойчивость, терпение, трудолюбие.

– Согласен. Эти качества необходимы при любой профессии. А вот скажите, – заранее прошу прощения, если мой вопрос вам не понравится, – как врачи переживают смерть своих пациентов?... Ведь в лечебных учреждениях такое случается, и нередко.

Полковнику стало неловко от того, что преображающая доктора Коняшкину улыбка исчезла, свет в глазах угас, сменившись грустью.

– Увы, случается, – нехотя кивнула врач.

– Я слышал, что у вас недавно скончалась пациентка. Это правда?

Повисла неловкая пауза. Ольга Васильевна отвела взгляд в сторону, будто решая – стоит ли вообще разговаривать на эту тему с чужим человеком. Но всё же ответила.

– Правда. Такое несчастье! Пожилая пациентка после тяжёлой операции на сердце.

– Инфаркт?

Ольга Васильевна медленно опустилась на стул и потупилась:

– Знаете, я не имею права разглашать врачебную тайну.

– Извините...

– Не инфаркт, но нечто близкое. Сказалась жара. При такой температуре воздуха сосуды не выдерживают. Особенно трудно справляться с духотой пожилым людям. Сосуды у них и так в плохом состоянии.

Голос Коняшкиной звучал тихо, это был почти шёпот, словно она делилась с Кравченко большим секретом.

– Чрезвычайно жаль эту женщину. У неё такая замечательная семья! Родные навещали её каждый день. Непременно кто-нибудь приезжал, привозил что-то вкусное. Так трогательно о ней заботились... И вот такое несчастье...

«Кто из них врёт?» – подумал Кравченко, вспомнив рассказы бабы Капы и мадам Керн о Виноградовой.

– Представляю, какой это был удар для вас. Ведь вы столько сил потратили, чтобы помочь этой пациентке, столько души вложили...

– Да, вы правы, пережить такое сложно, – вздохнула Ольга Васильевна. – Что уж говорить о близких, потерявших родного человека. Теперь их жизнь изменилась безвозвратно.

Она встрепенулась, словно вспомнив нечто важное, поднялась со стула.

– Спасибо вам, Юрий Никитич, за картину. Чудесная акварель! Теперь она будет радовать взгляд всех сотрудников отделения.

Почувствовав, что доктора больше не стоит задерживать, Кравченко церемонно раскланялся:

– Рад был сделать для вас что-то приятное. Пойду, пожалуй, найду ещё какой-нибудь живописный уголок в парке и попробую запечатлеть его на бумаге.

Он быстро вышел из ординаторской, заглянул в свой номер, взял этюдник.

Шагая по парковой аллее, полковник размышлял: кто из женщин говорит неправду?.. И зачем?.. Есть что скрывать?

Навстречу Юрию Никитичу попала медсестра Сагдиева.

Девушка мимоходом улыбнулась и повернула ко входу в кардиологический корпус.

Надо было раскладывать лекарства. Работа предстояла кропотливая и очень ответственная, ведь пациентов в отделении было много, и у каждого свои лекарства. Попробуй перепутать хоть одну таблетку!

Анора основательно устроилась за рабочим столом и разложила перед собой упаковки с препаратами. Она читала назначения в истории болезни, вынимала из картонных коробочек таблетки и аккуратно раскладывала их по миниатюрным, почти игрушечным пластиковым стаканчикам. На стенках стаканчиков виднелись чёрные буквы У, Д, В, означавшие время приёма лекарств – утро, день, вечер.

– «Адкордис»¹, – прочитала Анора и вытащила очередную коробку. Потрясла её, но упаковка оказалась пуста. – Вот чёрт, опять таблетки закончились. Придётся идти на склад.

Девушка поднялась, достала из верхнего ящика стола ключ и отправилась в конец коридора, где располагалась небольшая комната, предназначенная для хранения лекарств и медицинских принадлежностей.

Так как сильнодействующими и наркотическими средствами в отделении кардиологии не пользовались, то лекарства хранились не в сейфе, а в обычном шкафу под замком. Анора провела рукой на средней полке и вытащила две ярко-красных коробочки с надписью «Адкордис».

– Всего две? – удивилась она.

В прошлое её дежурство два дня назад на полке лежали семь упаковок, это медсестра помнила точно. Препарат эффективный и дорогой, назначался больным с нарушениями сердечного ритма. Немногие его принимали.

Неужели за два дня израсходовали пять упаковок?.. Быть такого не может!

Но самым неприятным было то, что теперь придётся напомнить старшей медсестре, чтобы та выписала в аптеке новую партию лекарств. А пересекаться с Тарасовой Аноре совсем не хотелось.

Но работа есть работа.

Закончив раскладывать таблетки, девушка разнесла крохотные стаканчики на подносе по номерам, выдав каждому пациенту персонально.

Она раздумывала, когда лучше подойти к начальнице, чтобы та была в нормальном настроении, как вдруг нос к носу столкнулась с Тарасовой в коридоре.

¹ Название таблеток вымышлено.

– Раиса Ивановна! – воскликнула Анора, решив не упускать момент. – У нас опять «Адкордис» заканчивается. Надо заказать в аптеке.

– Как – заканчивается? – Старшая медсестра подняла брови. – Я же совсем недавно его выписывала. Он не мог так быстро израсходоваться!

– Осталось всего две упаковки, – уточнила Анора.

– Проверим!

И начальница решительным шагом отправилась в кладовку.

Убедившись, что в шкафу на полке действительно две упаковки, одна из которых уже начата, Раиса Ивановна нахмурилась.

– Это странно, Сагдиева, очень странно. Сколько человек у нас получают препарат?

– Всего пять. Я сама удивилась: он не может расходоваться так быстро.

– Вот-вот!

От пристального, проникающего в самую душу взгляда зеленоватых глаз начальницы Аноре стало не по себе. Она невольно отступила на пару шагов ближе к двери.

– Либо кто-то у нас ест этот препарат горстями, как витаминки, что маловероятно... Либо у нас завёлся вор.

– Какой ещё вор? – растерялась Анора.

Лицо Раисы Ивановны стало жёстким, глаза сузились, губы поджались. Рыжеволосая женщина бесцеремонно оттолкнула девушку со своего пути и вышла в коридор.

Дверь захлопнулась, оставив Анору с замирающим в неприятном предчувствии сердцем прислушиваться к удаляющимся шагам.

Глава 12

Скандал

Не прошло и часа, как в заполненную врачами ординаторскую влетела Тарасова в сопровождении пациентки Керн. Старшая медсестра пылала гневом, отчего пряди её рыжих волос, выбившиеся из причёски, напоминали языки пламени.

Вероника Марковна, немного растерянная, скромно замерла у двери и внимательно прислушивалась и приглядывалась к происходящему.

Врачи синхронно подняли головы от своей писанины, уставившись на Раису Ивановну. А та сразу направилась к столу исполняющего обязанности заведующего отделением Николая Викторовича Самошко.

– Николай Викторович, – громко заявила Тарасова, – у нас чепэ! В отделении завёлся вор, без стыда и совести таскающий со склада дорогостоящие лекарства!

– Что вы такое говорите, Раиса Ивановна? – опешил пожилой упитанный мужчина с обширной лысиной, сидящий за столом у окна. – Какой ещё вор?

В этот момент по коридору мимо ординаторской проходил Юрий Никитич. Его привлекли громкие голоса и неплотно закрытая дверь.

«Что там происходит?» – мелькнуло в голове у Кравченко. Он воровато оглянулся, не заметил никого и прильнул ухом к дверной щели.

– Самый настоящий вор! – продолжала старшая медсестра, и голос её только набирал силу, переполненный праведным гневом. – И я знаю, кто этот человек!

Не давая возможности себя перебить, Раиса Ивановна обернулась к неуверенно топтавшейся в уголке пациентке.

– Вероника Марковна, подойдите сюда, пожалуйста!

Старушка, скромно опустив глаза, засеменила к столу Самошко.

– Вероника Марковна, что вы видели сегодня ночью? – Тарасова поддерживала за локоть мадам Керн, как бы придавая ей уверенности и смелости.

– Сегодня ночью мне не спалось, – начала рассказ Вероника Марковна и обвела внимательным взглядом всех присутствующих. Давно её так никто не слушал, даже дыхание затаили! – Знаете ли, очень жарко в палате, и воздуха не хватает, даже если окно настежь.

– Ближе к делу, Вероника Марковна! – сжала её локоть жёсткими пальцами Тарасова.

– Так вот, – продолжала Керн, – вышла я в коридор, чтобы немного подышать и проветриться, и вижу...

– Что вы увидели? – пробормотал потрясённо Николай Викторович, почему-то вжимаясь в спинку кресла.

Он всего несколько дней выполнял обязанности начальника, и пока всё было хорошо. Вот только ЧП не хватало!

– Из кладовки вашей, где лекарства хранятся, выходит... – Вероника Марковна выдержала театральную паузу для усиления эффекта и закончила: – Анора Сагдиева, дежурная медсестра. В руках она несла несколько небольших коробочек красного цвета. То, что они красные, было видно даже в коридорном сумраке.

– Вот! – радостно воскликнула Раиса Ивановна и продемонстрировала всем, вытащив из кармана, маленькую яркую упаковку с надписью «Адкордис». – Именно этот препарат стал исчезать в последнее время с нашего склада. Николай Викторович, надо вызвать Сагдиеву и потребовать у неё объяснений!

– Анора?! – переглядывались друг с другом потрясённые врачи. – Не может быть...

– Ну... – промямлил Самошко, чьи пухлые щёки покрылись пятнистым румянцем, – наверное, и правда стоит послушать Анору. Пусть объяснит, так сказать.

Он был самым старшим и опытным врачом в отделении и работал тут больше двадцати пяти лет. И, конечно, надеялся, что после увольнения предыдущего заведующим на эту должность назначат его. Но главный врач предпочёл человека со стороны. Самошко затаил обиду. Не оценили его заслуг, его опыт, а задвинули в угол, как старый, ненужный чемодан.

Новый заведующий ушёл в отпуск, и Николая Викторовича попросили его заменить. На время. Вожделенная должность в его руках, хоть и временно. И вдруг такая неприятность! Самошко растерялся.

Кравченко едва успел отскочить к стене, как дверь распахнулась, и Раиса Ивановна зычным голосом, сотрясшим все этажи кардиологического корпуса, рявкнула:

– Сагдиева, быстро в ординаторскую!

Прячась за распахнутой створкой двери, Юрий Никитич наблюдал в щель, как медленно и растеряннно идёт по коридору дежурная медсестричка. На её прекрасном лице застыло выражение испуга. Вот попала девчонка!

Как только Анора подошла к ординаторской, цепкая рука начальницы ухватила её за плечо и буквально втащила в помещение.

– Что случилось? – пробормотала Анора, ничего не понимая, но чувствуя, что надвигается огромная беда.

– Это ты нам сейчас объяснишь, что случилось! – зверем рычала на неё Тарасова. – Признавайся: зачем воруешь лекарства из кладовой?

– Что?.. – онемела от неожиданности девушка, прижав руку к груди.

– То! Не лги нам! Тебя видела Вероника Марковна Керн, уважаемый человек, заслуженный, можно сказать... Видела, как ты воруешь лекарства.

– Вероника Марковна, – обратила на старуху быстро наполняющиеся влагой глаза Анора, – ведь это же неправда. Вы не могли ничего видеть, потому что ничего не было. Да я никогда бы в жизни чужого не взяла!

– Ну конечно! – захохотала резким, издевательским смехом Тарасова. – Теперь будет изворачиваться, как уж на сковородке. А я с самого начала говорила, что нечего брать на работу этих мигрантов! Понабрали всяких таджиков-узбеков, вот они теперь и безобразничают, разворовывают государственную собственность! Гнать их паршивой метлой из нашего санатория, да и из страны. Своим рабочим мест не хватает, а мы берём этих чужаков себе в ущерб!

– Тише, тише, Раиса Ивановна! – справился наконец с растерянностью Самошко, выпрямил спину, вспомнив о том, что он здесь начальник и принимать решение ему. – Анора, скажи нам честно: ты брала из шкафа «Аджордис» или нет?

– Брала для раздачи!

– Я имею в виду не для пациентов, а с другими целями, так сказать.

Девушка, шмыгая носом, отрицательно покачала головой:

– Нет, не брала.

– Она врёт! – попыталась вмешаться Тарасова, но начальник выставил руку, призывая к молчанию.

– Вероника Марковна, вы уверены, что ночью видели именно Анору?

– Конечно, – кивнула Керн. – А больше некого. В отделении ночью дежурила только она. Да и не узнать её трудно. Заметная девушка.

– А в руках у неё точно были именно эти коробочки?

– Точно, точно.

Убийцу во время этой безобразной сцены одолевали гневные мысли.

«Ах ты, мерзкая старуха! Да тебе ведь поломать жизнь человеку ничего не стоит! Ты даже получишь от этого удовольствие. Зачем на свете живут такие, как ты?.. Такие, как Довженко и Виноградова? Сколько зла от вас в этом мире!»

Почему Бог допускает, чтобы жили и благоденствовали такие твари? Несправедливо! Чудовищно несправедливо!»

– Зачем вы врётесь?! – не выдержала Анора. – Это неправда! Что я вам такого сделала, что вы врётесь? Почему?!

Вероника Марковна отвела глаза, но от своих слов не отступилась.

А старшая медсестра продолжала кипятиться:

– Я предлагаю вызвать полицию. Вор должен сидеть в тюрьме, как говорил известный киногерой. Немедленно!

Анора всхлипнула, по лицу её ручьями текли слёзы. Девушка выскочила из ординаторской и побежала на улицу.

– Ну зачем нам полиция? – испугался Николай Викторович и прижал пухлую ладошку к груди. При слове «полиция» его сердце сбилось с привычного ритма.

Врачи глухо ворчали, переговариваясь между собой, обсуждая происходящее. Никто не хотел верить, что Анора виновата.

– Тогда надо доложить главному врачу! – гнула свою линию старшая медсестра.

– Подождите, Раиса Ивановна. Если лекарства пропадали и раньше, то почему я об этом слышу впервые? – спросил Самошко, уставившись на Тарасову. Он не хотел встречаться с полицией. И с главным врачом объясняться ему тоже не хотелось. Надо было как-то выкручиваться. – Вы же обязаны были доложить.

– Я сама ничего не знала! Да, меня настораживало, что дорогой препарат слишком быстро заканчивается, только и успеваю его заказывать в аптеке. А тут мне Вероника Марковна на ушко шепнула... Но я же подозревала эту нахалку! Ещё надо проверить, каким образом она медицинский диплом получила! У них же там всё покупается и продаётся. За деньги небось и купила корочки. Всё-таки, Николай Викторович, советую вам вызвать полицию. Пусть возьмут отпечатки пальцев в кладовой со шкафа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.